

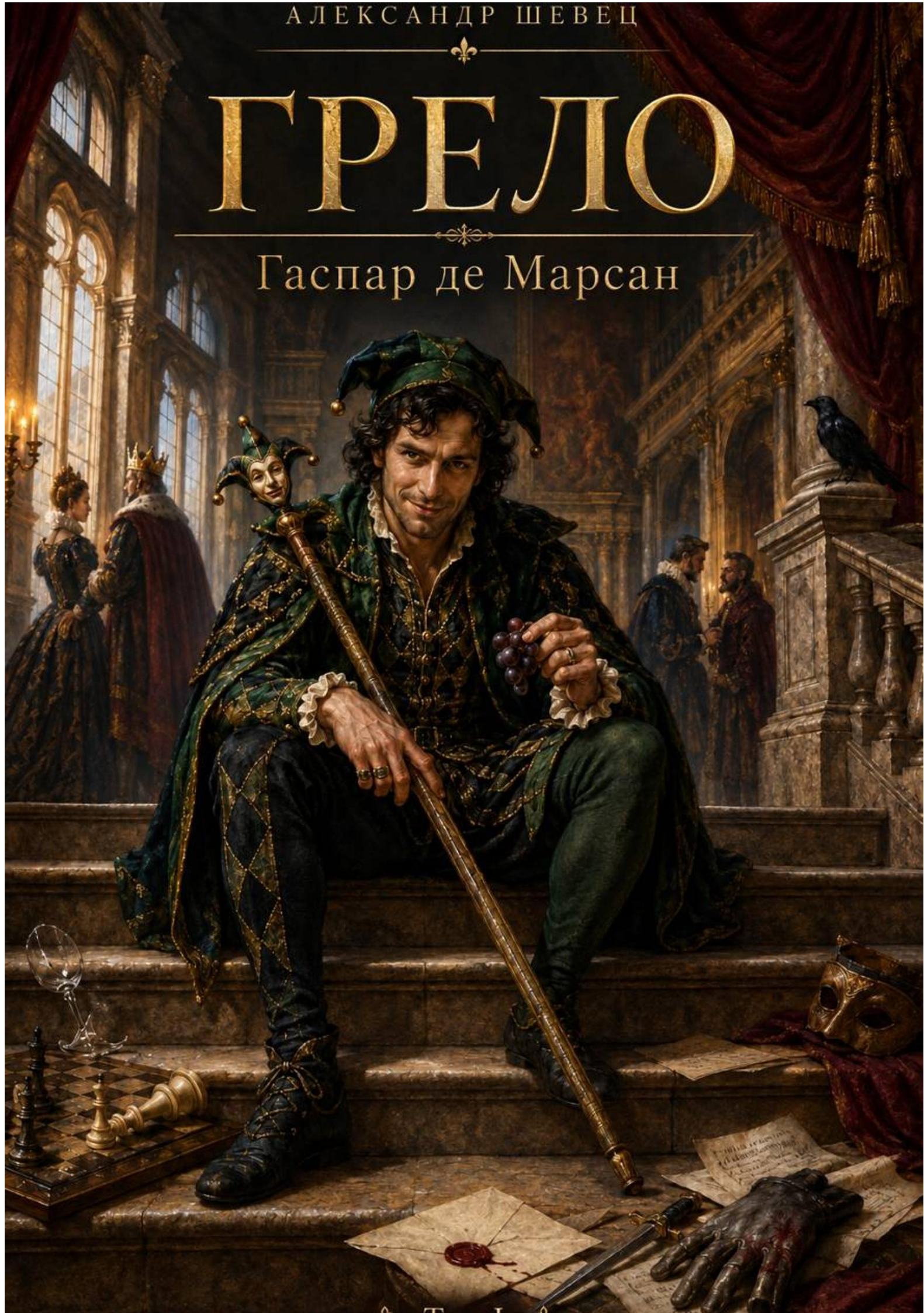
АЛЕКСАНДР ШЕВЕЦ

ГРЕЛО

Гаспар де Марсан

Александр Шевец
Грело. Гаспар де Марсан

«Автор»

2026

Шевец А.

Грело. Гаспар де Марсан / А. Шевец — «Автор», 2026

При дворе Анри IV де Валье умеют улыбаться людям, которых ненавидят, клясться в верности тем, кого готовы предать, и превращать случайную фразу в оружие. Здесь каждый чего-то добивается, каждый что-то скрывает, а слишком прямой вопрос может стоить дороже проигранной дуэли. Грело позволено задавать такие вопросы. Он шут короля, насмешник, бездельник и постоянная головная боль для знати. Он может перебить монарха, высмеять герцога перед всем двором и назвать ложь ложью, когда остальные предпочитают сделать вид, что ничего не заметили. Придворные считают его наглым дураком, которому слишком долго везёт. И почти никто не понимает, зачем король держит его рядом. Грело привык замечать то, что люди выдают сами: лишний взгляд, слишком быстрый ответ, внезапную щедрость, чужой страх. Но однажды среди привычных сплетен, долгов, любовных связей и борьбы за влияние он замечает то, что не складывается в обычную придворную интригу. Кто-то начал игру, правил которой Грело пока не знает.

© Шевец А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Приём.	5
Глава 2. После полуночи.	13
Глава 3. Цена болтовни.	21
Глава 4. Сен-Реми.	30
Глава 5. Чужие деньги.	42
Глава 6. Прошение.	55
Глава 7. Листок.	66
Глава 8. Приказ.	78
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Грело. Гаспар де Марсан

Глава 1. Приём.

К восьми часам вечера большая галерея дворца Бельрив была почти заполнена. Через распахнутые двери всё ещё входили опоздавшие гости: дворяне в тяжёлых бархатных камзолах, дамы в платьях с высокими кружевными воротниками, офицеры королевской гвардии, иностранные посланники и придворные, чьё положение при дворе зависело не столько от должности, сколько от умения вовремя оказаться в поле зрения короля. Лакеи принимали плащи, разносили вино на серебряных подносах и меняли свечи в высоких подсвечниках, стараясь не мешать гостям. У дальней стены играли музыканты, но скрипки и виолы едва пробивались сквозь гул разговоров, смех и звон бокалов.

Бельрив строили почти два столетия, и разные поколения его хозяев оставили в нём слишком заметные следы. Восточное крыло ещё сохраняло толстые стены прежней крепости, узкие лестницы и низкие каменные переходы, тогда как парадная галерея, построенная при деде нынешнего короля, тянулась вдоль реки рядом высоких окон. Между ними стояли мраморные бюсты прежних государей династии де Валье, над двумя широкими дверями висели захваченные в прошлых войнах знамёна, а стены почти полностью закрывали огромные гобелены с изображениями охоты и сражений. Анри уже несколько лет перестраивал северное крыло на новый манер, однако работы продвигались медленно, поэтому дорога от главных ворот к парадным залам по-прежнему заставляла гостей пройти через мрачные коридоры старой крепости, прежде чем оказаться среди позолоты, мрамора и сотен свечей.

Король сидел у дальней стены под балдахином из тёмно-красного бархата и выслушивал английского посланника. Анри IV де Валье не любил тяжёлых церемониальных одежд и на вечерний приём надел чёрный камзол с серебряной вышивкой; вместо короны на его голове был узкий золотой обруч, почти терявшийся в светлых волосах. Справа от него сидела королева Анна де Савьер. Она слушала с тем спокойным выражением, которое придворные часто принимали за холодность, хотя пальцы её правой руки уже несколько минут медленно двигались по жемчужной нити на запястье. Те, кто хорошо знал королеву, могли догадаться, что речь гостя начинает её утомлять.

Сэр Эдмунд Уолсингем говорил по-французски почти безукоризненно. Он рассуждал о дружбе двух корон, выгоде свободной торговли и необходимости сообща защищать морские пути, когда откуда-то совсем рядом с королевским креслом раздался ленивый голос:

— Анри, если он ещё дважды произнесёт слово «дружба», я начну искать, где спрятан кинжал, — заметил Грело, отрывая виноградину от грозди и отправляя её в рот. Королева опустила глаза, скрывая улыбку, а английский посланник медленно повернул голову к шуту, задержав на нём взгляд чуть дольше, чем позволяла простая досада.

На нижней ступени возвышения сидел мужчина в зелёно-чёрном камзоле. Шутовской колпак лежал рядом, и Грело, судя по всему, не испытывал ни малейшего желания надевать его раньше, чем это станет совершенно необходимо. О его должности напоминали только разноцветные полосы на рукавах да небольшой серебряный бубенчик, висевший на тонком шнуре у шеи. Он устроился так свободно, словно ступени королевского трона были сделаны специально для него, вытянул одну ногу, оперся локтем о край кресла и за время речи посланника успел заметно уменьшить гроздь винограда с блюда, стоявшего возле Анри.

— Мне говорили, что при вашем дворе шут обладает необыкновенной свободой речи, — произнёс Уолсингем, переведя взгляд с Грело на короля, будто оставлял Анри возможность поправить своего подданного. Грело не дал государю воспользоваться этой возможностью и, выбрав из грозди ещё одну ягоду, ответил сам:

— Не верьте всему, что вам рассказывают при дворе. Здесь даже возраст дам лучше уточнять по церковным книгам, — он оглянулся на ближайшую группу придворных женщин, и одна молодая фрейлина прыснула в веер, но сразу же выпрямилась, встретившись взглядом с пожилой герцогиней рядом.

Анри провёл большим пальцем по подбородку и некоторое время смотрел на шута с выражением человека, который всерьёз раздумывает, стоит ли вмешиваться.

— Продолжайте, сэр Эдмунд. Грело сегодня скучно, а когда ему скучно, страдает дипломатия, — король жестом предложил посланнику продолжить, однако Грело уже поднял палец, не желая оставлять последнее слово за ним.

— Не только дипломатия. На прошлой неделе пострадал епископ.

— Епископ сам виноват, что решил спорить с тобой о добродетели, — заметила Анна, поправляя кружево на манжете.

— Это было слишком самонадеянно даже для епископа.

Сэр Эдмунд наконец улыбнулся и вернулся к своему докладу. Он перешёл к северным портам, потом осторожно упомянул французские торговые суда и состояние военного флота. Грело перестал есть. Он опустил гроздь на блюдо и некоторое время смотрел не на лицо посланника, а на его руки. Пока речь шла о торговых пошлинах, Уолсингем спокойно держал перчатки перед собой, но при слове «флот» большой палец левой руки дважды прошёлся по краю кожи. Почти одновременно посланник посмотрел к одному из окон, где адмирал де Шантре разговаривал с двумя офицерами.

Грело проследил за этим взглядом и подождал, пока англичанин закончит очередную фразу. Затем он поднялся со ступени, потянул вниз задравшийся край камзола и неторопливо прошёл между королём и гостем.

— Сэр Эдмунд, вы так часто смотрите на нашего адмирала, что я начинаю за него беспокоиться, — произнёс он, остановившись сбоку от посланника.

— Почему же? — Уолсингем чуть приподнял брови, однако голова его теперь повернулась к шуту полностью.

— Обычно иностранные послы с таким вниманием рассматривают либо красивых женщин, либо крепости, — Грело кивнул в сторону де Шантре, который услышал последние слова и недовольно обернулся.

Несколько придворных рассмеялись. Уолсингем поправил перчатки в руках и ответил без спешки:

— Я давно хотел познакомиться с адмиралом. Его репутация известна далеко за пределами вашего королевства.

— Вот и хорошо, — Грело одобрительно качнул головой и сделал вид, будто тревога полностью исчезла. — А я уже решил, что вам понадобились наши корабли.

— Если бы мне понадобились ваши корабли, я попросил бы их у Его Величества.

— Тогда точно не получили бы, — Грело повернулся к королю и пожал плечами, словно речь шла о совершенно очевидной вещи.

Анри рассмеялся первым, и только после этого смех прошёл по ближайшим рядам гостей. Уолсингем тоже позволил себе улыбнуться, хотя теперь смотрел на Грело гораздо внимательнее.

— Вы всегда отвечаете за государя? — спросил он, слегка разворачиваясь вслед за шутком.

— Нет. Иногда Анри вполне способен ошибаться самостоятельно, — Грело снял с подноса проходившего лакея кубок, заглянул внутрь и, обнаружив, что тот пуст, с укором вернул его обратно.

Смех получился заметно тише. Несколько человек сразу перевели взгляды на короля, ожидая реакции, а один молодой дворянин у колонны даже перестал улыбаться. Анри поднял свой кубок, но не отпил и некоторое время смотрел на Грело поверх края.

— Ещё одна такая фраза, и я начну брать с тебя плату за право находиться во дворце.

— Тогда тебе придётся повысить налоги. Мои услуги дороги, — Грело приблизился к столу, взял уже полный кубок и попробовал вино.

— Твои услуги? — Анри всё-таки отпил и поставил свой кубок на подлокотник.

— Конечно. Кто ещё сообщает тебе правду бесплатно?

Король чуть сузил глаза, но Грело уже отвернулся. Сэр Эдмунд успел заметить и саму фразу, и то, что за неё не последовало даже замечания. Он проводил шута взглядом, однако тот больше не проявлял к нему интереса и направился к группе придворных возле центральных колонн.

Теперь люди замечали его заранее. Одни начинали улыбаться ещё до того, как он подходил, показывая окружающим собственное бесстрашие, другие вдруг вспоминали о собеседниках на другом конце галереи. Граф де Монревель выбрал второй способ: заметив приближавшегося Грело, он развернулся к соседу и заговорил с такой серьёзностью, будто от содержания их беседы зависела судьба королевства.

— Монревель, не уходи. Я только поздороваться, — окликнул его Грело, и несколько человек вокруг графа сразу замолчали.

— Я никуда не ухожу, — Монревель повернулся, недовольно расправляя плечи. Его тяжёлая нижняя челюсть выдвинулась вперёд ещё сильнее. — Я разговаривал.

— Тем более странно. Обычно от твоих разговоров уходят остальные, — Грело подошёл ближе и, прежде чем граф успел отстраниться, двумя пальцами коснулся кружева на его воротнике.

Монревель резко дёрнул головой.

— Убери руки.

— Новый? — Грело отступил на полшага и с интересом оглядел воротник.

— Какое тебе дело?

— Никакого. Меня больше занимает камзол. Он тоже новый? — шут провёл взглядом по тёмно-синему бархату и золотой цепи на груди графа. Монревель машинально опустил глаза на собственную одежду, сразу понял, что сделал, и снова посмотрел на Грело.

— Ты решил заняться торговлей тканями?

— Нет. Просто радуюсь твоему благополучию. Месяц назад ты говорил здесь же, что почти разорён. Кажется, виноваты были налоги, неурожай, сборщики, крестьяне и Анри. Не помню только, в каком порядке, — Грело повернул голову к королю, будто надеялся получить уточнение.

Анри заметил движение, однако вмешиваться не стал. Монревель тем временем побагровел и сжал губы.

— Я никогда не говорил, что разорён.

— Тогда я перепутал тебя с другим человеком, который два часа рассказывал королю, что скоро будет вынужден есть собственных лошадей.

— Доходы моих владений тебя не касаются.

— Разумеется. Они касаются Оноре, — Грело произнёс имя легко, но в тот же момент посмотрел через плечо на финансиста у правой колонны.

Оноре Бонне стоял с бокалом вина и разговаривал с пожилым маркизом. Услышав своё имя, он слишком быстро повернул голову. Улыбка на его лице не исчезла, однако пальцы сразу поднялись выше по ножке бокала.

— Меня? — поинтересовался он, сделав несколько шагов к ним. — Надеюсь, ты хотя бы сегодня не собираешься проверять казну лично.

— Я бы проверил, но там меня всякий раз встречают люди с такими лицами, будто деньги уже украли и осталось только решить, кто виноват, — Грело улыбнулся финансисту, краем глаза продолжая наблюдать за Монревелем.

Граф перестал смотреть на шута. Его взгляд на мгновение встретился со взглядом Бонне, затем Монревель резко отвернулся к окну. Этого мгновения Грело оказалось достаточно.

— Вот видишь, Оноре, я как раз поздравлял нашего графа, — продолжил он прежним тоном. — Ещё недавно он был почти нищ, а сегодня на нём столько золота, что при желании его можно поставить вместо сундука в казначействе.

— Достаточно, — резко бросил Монревель и шагнул к нему, но Грело только поднял брови.

— Чего именно? Золота?

— Твоих глупостей.

— Моих глупостей никогда не достаточно. Именно поэтому меня кормят за королевский счёт, — ответил Грело и отступил в сторону, когда граф попытался пройти к трону.

Монревель остановился и повернулся к Анри.

— Ваше Величество, этот человек...

— Не отвлекай Анри, — Грело выставил ладонь между ним и королём. — Он занят иностранной политикой. Сэр Эдмунд ещё ничего у него не попросил, а значит, разговор явно не закончен.

Уолсингем, слышавший последние слова, негромко рассмеялся. Монревель же окончательно побледнел и процедил:

— Однажды кто-нибудь заставит тебя ответить за эти слова.

— Надеюсь. Я уже устал повторять их бесплатно, — Грело слегка поклонился, освобождая ему дорогу.

Граф резко развернулся и ушёл к окнам. Грело проследил за ним лишь несколько секунд, после чего перевёл взгляд на королеву. Анна ничего не сказала, только чуть приподняла бровь, и этого оказалось достаточно: она тоже заметила, как быстро Монревель после разговора оказался рядом с Оноре Бонне. Грело едва заметно качнул головой и уже собирался вернуться к ступеням трона, когда взгляд его остановился на мужчине у большого камина.

Герцог Эмиль де Ларош почти весь вечер держался в стороне от королевского кресла. Он не искал внимания Анри, но и не избегал его, не собирав вокруг себя слушателей и не пытаясь показать, что предпочитает одиночество. Люди сами время от времени подходили к нему, обменивались несколькими словами и отходили. Ларош чаще слушал, чем говорил. Его серый камзол без лишней вышивки выглядел почти скромно рядом с яркими нарядами остальных гостей, однако ткань и крой выдавали цену лучше золота.

Грело снял с подноса лакея два бокала и направился к герцогу.

— Эмиль, я начинаю думать, что ты болен, — произнёс он, протягивая Ларошу вино. Герцог сперва посмотрел на бокал, потом на шута и всё же принял его.

— Почему?

— Ты уже почти час никого не оскорбил.

— Я оставил эту обязанность тебе, — Ларош сделал небольшой глоток и вернул взгляд к залу.

— Неразумно. Один человек не может обслужить весь двор. Даже я иногда устаю, — Грело прислонился плечом к краю каминной полки и посмотрел на вино в своём бокале.

Ларош усмехнулся, но не отвёл глаз и не изменил позы. Грело продолжил наблюдать за ним, уже не скрывая этого.

— Ты сегодня почти не пьёшь.

— Теперь ты считаешь мои бокалы?

— Только если вино бесплатное.

— Тогда поговори с Бонне.

— Сегодня меня все отправляют к Бонне, — Грело повёл бокалом в сторону финансиста.

— Я начинаю подозревать, что он раздаёт деньги.

Никакой заметной реакции не последовало. Ларош лишь посмотрел туда, куда указал шут, и снова перевёл взгляд на него.

— Если раздаёт, пришли его ко мне.

— Монревель уже, кажется, успел раньше нас. Внезапно разбогател, — Грело сделал маленький глоток и продолжал смотреть прямо в лицо герцогу.

— Я заметил его новый камзол.

— Только камзол?

— Воротник тоже неплох.

— Я говорю о деньгах.

— А я о вкусе. Так меньше шансов поссориться, — Ларош слегка улыбнулся и повернул бокал за ножку.

Грело несколько секунд молчал. Обычно люди помогали ему сами: перебирали пальцами кольца, меняли положение ног, смотрели не туда, куда следовало, торопились ответить или, наоборот, слишком долго выбирали слова. Ларош просто стоял перед ним и ждал следующего вопроса.

— Вот за это я тебя и не люблю, — наконец произнёс Грело, отталкиваясь от камина.

— А я был уверен, что мы друзья.

— Друзья обычно помогают мне понять, когда врут.

— А я вру? — Ларош поднял бокал, но остановил его у губ.

— Пока не решил.

— Тогда сообщи, когда решишь. Мне будет интересно, — герцог отпил и поставил бокал на каминную полку.

Грело обошёл его сбоку, словно рассматривал человека с другой стороны в надежде обнаружить там что-то пропущенное.

— Говорят, завтра ты уезжаешь.

— Говорят правильно, — Ларош повернулся вслед за ним.

— Куда?

— В Сен-Мар.

— Зачем?

— Проверить гарнизон и поговорить с управляющим.

— Сам?

— Как видишь, Грело, я иногда способен перемещаться без свидетелей, — герцог поправил манжет и спокойно выдержал его взгляд.

Ответы следовали без пауз, но и без поспешности. Грело слегка склонил голову.

— Отвратительная привычка. Людям потом приходится верить твоим рассказам.

— Ты слишком много думаешь для шута.

Улыбка на лице Грело появилась не сразу.

— А ты слишком мало говоришь для герцога.

— Возможно, поэтому мы оба ещё живы, — Ларош отступил, пропуская двух дам, прошедших между ними и камином.

Одна из женщин поздоровалась с герцогом, другая бросила быстрый взгляд на Грело и сразу ускорила шаг. Ларош ответил дамам коротким поклоном, затем снова повернулся к шуту.

— Ты хотел узнать что-нибудь ещё?

— Нет. Теперь мне просто любопытно.

— Это опасно?

— Для меня редко, — Грело поднял бокал в подобию тоста и отошёл.

Разговор ничего не прояснил. Монревель раздражался ещё до того, как успевал придумать ответ. Бонне начинал улыбаться шире, когда нервничал. Уолсингем слишком часто касался перчаток и слишком осторожно смотрел на адмирала. Даже Анна, когда теряла терпение, начинала трогать украшения на правой руке. У каждого человека при дворе была своя мелочь, о которой он забывал, когда внимание переключалось на что-то более важное.

Ларош оставался таким же спокойным, как в начале разговора.

Музыканты перешли к паване. Анри поднялся с кресла, и по галерее сразу прошло движение: мужчины отступали к стенам, дамы расправляли юбки, несколько молодых дворян спешили занять места ближе к центру. Король обменялся несколькими словами с сэром Эдмундом и уже собирался вернуться к жене, когда Грело снова оказался рядом.

— Анри, ты кое-что забыл, — сообщил он, подбирая оставленный на ступени колпак и стряхивая с него невидимую пылинку.

— Если речь снова о винограде, забирай всё, — король устало посмотрел на него.

— Три недели назад ты обещал Анне первый танец на следующем приёме.

Королева услышала своё имя и повернула голову. Анри несколько мгновений смотрел сначала на неё, потом на шута.

— Ты ведёшь записи моих обещаний?

— Кто-то должен. Государство большое, память у короля одна, — Грело надел колпак и поправил его так, чтобы один из бубенчиков не падал на глаз.

— В данном случае, государь, я считаю его службу полезной, — Анна протянула мужу руку.

Анри взял её за пальцы и поднялся со ступени.

— Иногда мне кажется, что я окружён заговорщиками.

— Не льсти себе, — Грело отошёл, освобождая им дорогу. — Чтобы заговорить против тебя, этим людям сначала пришлось бы договориться между собой.

Смех раздался совсем рядом с тронем. Грело повернул голову и заметил, что Эмиль де Ларош тоже улыбается. Герцог стоял уже не у камина, а возле дальней колонны и разговаривал с пожилым дворянином. Улыбка исчезла с его лица почти сразу, когда он снова повернулся к собеседнику.

Грело задержал на нём взгляд чуть дольше, чем хотел.

Приём продолжался ещё почти час. Он успел поспорить двух молодых баронов, убедить старую герцогиню, что новый испанский посол тайно в неё влюблён, съесть с королевского стола несколько засахаренных фруктов и получить от Анри обещание лично приказать кухне больше его не кормить. Придворные смеялись, возмущались и жаловались друг другу на вседозволенность шута. Один виконт, которого Грело при всех спросил, зачем тот носит шпагу, если каждый раз зовёт секундентов ещё до оскорбления, следующие полчаса доказывал знакомым, что когда-нибудь собственноручно проучит наглеца.

Грело слышал половину этих разговоров и делал вид, что не слышит ничего.

Когда музыканты начали убирать инструменты, а лакеи распахнули двери в соседние залы, гости постепенно потянулись к выходу. Перед уходом они кланялись королю и королеве, обещали друг другу скорые встречи, приглашали в гости людей, которых терпеть не могли, и рассыпались в любезностях перед теми, о ком уже завтра собирались говорить совсем иначе.

Грело снова устроился на широком подоконнике. Колпак он снял и положил рядом, а серебряный бубенчик на шее время от времени тихо звенел, когда шут менял положение. Теперь почти никто не обращал на него внимания, и это устраивало его гораздо больше, чем прежний интерес.

Монревель ушёл одним из первых. Возле двери его догнал человек из окружения Оноре Бонне, что-то быстро сказал, и граф замедлил шаг. Через несколько мгновений оба исчезли в коридоре вместе. Уолсингем перед уходом задержался возле адмирала де Шантре и разгова-

ривал с ним почти пять минут; на этот раз Грело находился слишком далеко, чтобы услышать хотя бы слово. Ларош покинул зал позже остальных и один. Он попрощался с королём, обменялся короткой фразой с первым министром Этьеном де Морне и вышел, не оглянувшись.

Последнее Грело запомнил особенно хорошо.

Спустя четверть часа галерея почти опустела. Анна отпустила фрейлин, Анри жестом отправил прочь секретаря, а затем дождался, пока лакеи соберут со столов последние бокалы. Когда за ними закрылись двери, король посмотрел на двух гвардейцев у входа и слегка кивнул. Те вышли следом и закрыли створки уже снаружи.

— Все, — произнёс Анри, подходя к столу и самостоятельно наливая себе вина. Грело спрыгнул с подоконника, снял с шеи серебряный бубенчик и положил его рядом с колпаком. Небрежность, с которой он весь вечер ходил среди гостей, исчезла почти сразу; плечи распрямились, движения стали спокойнее, и даже голос, когда он заговорил, звучал иначе.

— Уолсингем приехал не только из-за торгового договора. Его интересует наш флот, возможно, северные порты, — Грело принял предложенный королём кубок, однако пить не стал. — Когда речь касалась моря, он трижды смотрел на Шантре. Перед уходом они разговаривали почти пять минут.

— О чём? — Анри поставил бутылку и прислонился бедром к столу.

— Если бы я слышал, уже сказал бы. Матье наверняка займётся адмиралом, но я бы проверил его секретарей раньше него самого. Если англичане хотят купить Шантре, начинать с Шантре было бы дорого и глупо.

Анри кивнул и сделал небольшой глоток. Анна тем временем подошла ближе, снимая с пальца тяжёлое кольцо и передавая его на ладонь.

— Монревель?

— Получил деньги. Много и недавно, — Грело повернул кубок между ладонями. — Месяц назад жаловался, что поместья почти ничего не приносят. Сегодня на нём новый бархат, золото и кружево, которого хватило бы одеть половину его деревни.

— Бонне? — король нахмурился.

— Вероятно. Когда я заговорил о доходах, Монревель посмотрел на него. Бонне испугался раньше, чем я назвал его имя. После приёма граф ушёл с человеком из конторы Бонне.

Анри медленно прошёл вдоль стола, поставил кубок и остановился у кресла.

— Зачем Бонне давать ему деньги?

— Может, долг. Может, покупка земли. Может, Монревель наконец нашёл любовницу, которая согласилась терпеть его только за наличные, — Грело пожал плечами и всё-таки отпил вино. — Пока ничего, за что стоило бы тащить человека в Бастилию.

— Но тебя что-то беспокоит, — Анна опустила в кресло и положила кольцо на край подлокотника.

Грело не сразу ответил. Он посмотрел на пустую галерею, затем поставил кубок на стол.

— Ларош.

Анри нахмурился ещё сильнее и повернулся к нему.

— Что он сделал?

— Ничего.

— Это теперь преступление?

— При дворе иногда да, — Грело усмехнулся, но улыбка быстро исчезла. — Уолсингем выдаёт себя руками. Монревель злится раньше, чем думает. Бонне улыбается шире, когда пугается. Ты трёшь подбородок, когда собираешься соврать человеку в лицо.

Анри машинально поднял руку к подбородку, но остановился на полпути. Королева расмеялась, а Грело указал на него пальцем.

— Вот именно.

— Я начинаю понимать, почему тебя так ненавидят, — Анри опустил руку и с раздражением взял кубок.

— Ты понял это только сейчас? Я разочарован.

Анна посмотрела на обоих и снова перевела взгляд на Грело.

— А Ларош?

— Ничего, — повторил он. — Я говорил с ним о Монревеле, деньгах, Бонне, его поездке, его гарнизоне. Он отвечал сразу. Не торопился и не тянул время. Не смотрел ни на кого, прежде чем заговорить. Даже когда я сказал ему прямо, что пытаюсь понять, врёт ли он, он просто предложил сообщить результат.

Анри несколько секунд молчал, затем пожал плечами.

— Может быть, ему нечего скрывать.

— Может быть, — Грело поднял колпак с подоконника и медленно провёл пальцами по одному из бубенчиков.

— Но ты так не думаешь.

— Я пока вообще ничего о нём не думаю. Вот это мне и не нравится.

Король прошёл к окну. За стеклом темнела река, на противоположном берегу горели редкие огни, а в самом дворце уже начали гасить часть свечей.

— Проверить его? — спросил Анри, не оборачиваясь.

— Нет. Если начать следить за каждым человеком, которого я не понимаю, у Матье через неделю закончатся люди, — Грело снова надел бубенчик на шею и спрятал шнур под воротник.

— Тогда что предлагаешь?

— Ничего. Пусть едет в Сен-Мар.

Анри повернулся от окна.

— И всё?

— Пока всё. Если Эмиль де Ларош что-то скрывает, рано или поздно ему снова придётся оказаться со мной в одной комнате, — Грело надел колпак, чуть сдвинул его набок и вернул себе то выражение лица, с которым ещё недавно издевался над половиной двора.

— Ты очень высокого мнения о себе.

— Нет, Анри. Я очень низкого мнения о людях. Они почти всегда повторяют ошибки.

Король усмехнулся и махнул рукой в сторону двери.

— Убирайся, пока я не вспомнил всё, что ты сегодня наговорил при английском посланнике. И постарайся хотя бы завтра никого не довести до дуэли.

— Не обещаю, — Грело направился к выходу, но у двери задержался и обернулся.

Анри уже снова стоял рядом с королевой. Его лицо изменилось: исчезла улыбка, которую весь вечер видели гости, и теперь он выглядел просто усталым человеком, которому утром снова предстояло выслушивать министров, прошения, донесения и споры о деньгах. Грело несколько мгновений смотрел на него, словно собирался сказать что-то ещё, однако передумал.

— Спокойной ночи, Анри.

— Спокойной ночи, Грело. И не трогай моё вино по дороге.

— Если оно встретится мне первым, ничего не обещаю, — ответил шут, придерживая дверь.

Глава 2. После полуночи.

Он вышел в коридор, где слуги уже тушили каждую вторую свечу. Двое гвардейцев у двери проводили его глазами, но Грело не обратил на них внимания и пошёл к лестнице, насвистывая мелодию паваны, которую музыканты играли в конце вечера. За ближайшим поворотом он снял колпак, провёл ладонью по волосам и сразу надел его обратно: из бокового перехода показался секретарь с кипой бумаг под мышкой, а следом за ним прошли двое пажей. До собственных комнат было ещё далеко, и оставаться без привычного вида посреди Бельрива не имело смысла.

Мысли возвращались к приёму сами собой. Монревель и Бонне заслуживали внимания уже хотя бы потому, что оба слишком неудачно отреагировали на одну и ту же тему. Уолсингем интересовался флотом, хотя пока нельзя было понять, выходило ли это за пределы обычного любопытства посла. Разговор с Ларошем оказался пустым: герцог либо действительно ничего не скрывал, либо умел держаться лучше большинства людей в галерее. Разбираться с ним сегодня Грело не собирался. Одного неприятного ощущения было мало даже для подозрения, а дел, основанных исключительно на неприятных ощущениях, у короля и без него хватало.

На площадке второго этажа он замедлил шаг. В западном переходе у окна стояли трое мужчин. Виконта де Керси Грело узнал сразу; второго несколько раз видел в свите Монревеля, а невысокий человек в чёрном камзоле, судя по постоянно испачканным чернилами пальцам, служил в одной из контор, через которые Бонне проводил часть своих дел. Они разговаривали вполголоса и не заметили приближавшегося шута до тех пор, пока один из бубенчиков на колпаке не звякнул в нескольких шагах.

Мужчина в чёрном замолчал и посмотрел на виконта. Керси лениво повернул голову, увидел Грело и снова обратился к собеседнику.

— Да говори. Это всего лишь он, — произнёс виконт, слегка пожав плечом, после чего сделал глоток из почти пустого кубка. Грело прошёл мимо них ещё два шага, остановился у окна и стал поправлять колпак перед тёмным стеклом, будто услышанное относилось к кому угодно, только не к нему.

— Я всё равно не понимаю, откуда появилась такая сумма, — продолжил человек из канцелярии. Он потёр большим пальцем чернильное пятно на среднем пальце и покосился на молодого дворянина. — Бонне сейчас не выдаёт крупных займов без обеспечения. Через меня проходит часть реестров, и я бы это видел.

Молодой дворянин повертел кубок в руке и усмехнулся.

— Может, ты видишь меньше, чем думаешь, — ответил он, но почти сразу отвёл взгляд к окну. — Монревель не обязан объяснять писарям, где берёт деньги.

— Я и не утверждаю, что обязан. Только если деньги прошли через Бонне, они должны где-нибудь появиться.

Грело снял колпак и потряс его возле уха. Один бубенчик действительно звенел чуть глуше остальных, хотя прежде это его совершенно не беспокоило. Теперь же неисправность оказалась очень кстати.

— Господа, выручайте, — обратился он к мужчинам, подходя ближе и протягивая колпак Керси. — Я попал в ужасное положение. Один из них умирает, а завтра мне снова выходить к королю.

Керси посмотрел на колпак, затем на Грело и нахмурился.

— Что именно я должен сделать?

— Не знаю. Ты виконт. Я надеялся, вместе с титулом дают какие-нибудь полезные знания.

Молодой дворянин рассмеялся и опустил кубок. Человек из канцелярии тоже улыбнулся, после чего Грело понял, что прежняя осторожность у обоих почти исчезла.

— Позови слугу, — посоветовал Керси, толкая колпак обратно двумя пальцами. — У него хотя бы есть шанс понять, чего ты хочешь.

— Слуги требуют денег, — Грело сокрушённо вздохнул и снова потряс бубенчики. — У меня утром были деньги, но потом я встретил человека с костями.

— Проиграл? — молодой дворянин повернулся к нему уже с явным интересом.

— Я предпочитаю говорить, что они сменили владельца по взаимному согласию, — Грело потряс колпак ещё раз, дождался чистого звона и удовлетворённо кивнул. — Всё. Починилось. Благодарю, Керси. Иногда достаточно поднести вещь к образованному человеку, чтобы она сама испугалась и заработала.

Мужчина из канцелярии засмеялся первым. Керси недовольно махнул рукой, а Грело надел колпак и поклонился всем троим.

— Продолжайте. Не стану мешать вам разорять страну без моего участия, — бросил он уже на ходу и снова принялся насвистывать павану.

Он не ускорял шага. За спиной некоторое время молчали, пока Керси наконец не спросил, понизив голос:

— Так что там с бумагами?

— Я тебе уже сказал: нужной суммы нет, — отозвался человек из канцелярии. — Люди Монревеля получили деньги вчера. Если Бонне имеет к этому отношение, он провёл их не через обычные книги.

— Откуда ты знаешь, что получил именно Монревель?

— Потому что двоих его людей видели...

Дальше слова потерялись. Из соседнего перехода вышли две придворные дамы, и мужчины возле окна заговорили тише. Грело встретил женщин преувеличенно низким поклоном, получил в ответ улыбку и, не оборачиваясь, свернул за угол.

Возвращаться и подслушивать остаток разговора он не стал. Один раз шута возле чужой двери можно было объяснить случайностью, второй — любопытством, но если подобные случайности начнут повторяться, даже самый самоуверенный придворный однажды задаст ненужный вопрос. Сейчас ему хватало того, что история Монревеля получила ещё одно подтверждение. Денег у графа недавно не было, теперь они появились, при этом человек, работавший с финансовыми реестрами, сам не понимал, каким путём. Завтра можно будет посмотреть внимательнее, а до тех пор это оставалось обычной придворной тайной, не более.

Он уже дошёл до нижней лестницы, когда сверху послышался громкий смех. Навстречу спускались четверо молодых дворян. Двое держались за перила немного крепче, чем требовал крутой спуск, а маркиз де Вильере, шедший впереди, всё ещё сжимал пустой кубок, который, видимо, забыл оставить в галерее. Грело помнил его ещё с карточного стола: маркиз проиграл немало и теперь имел тот особенный вид человека, которому хотелось, чтобы виноватым оказался кто-нибудь другой.

Увидев шута, Вильере остановился на площадке и перегородил проход.

— А вот и любимец Его Величества, — произнёс он, медленно оглядев Грело с головы до ног. Один из его приятелей сразу усмехнулся, второй прислонился к перилам и приготовился слушать. — Я думал, король оставляет тебя возле себя до утра.

— Просил, — Грело прижал ладонь к груди и покачал головой. — Анри цеплялся за мой рукав, королева обещала мне новые покои, но я проявил характер. Иногда человеку требуется отдых от королевской семьи.

Двое из компании рассмеялись. Вильере не поддержал их и спустился на ступень ниже.

— Тебе слишком многое позволяют, Грело, — проговорил он, уже не улыбаясь. Подойдя почти вплотную, маркиз протянул руку и щёлкнул пальцем по одному из бубенчиков на колпаке. — Когда долго живёшь возле трона, легко забыть, кто ты такой.

Грело посмотрел на его руку. Вильере стоял неудобно, слишком перенеся вес на левую ногу, и был достаточно пьян, чтобы не успеть ничего сделать, если сейчас перехватить его запястье. Эта мысль пришла слишком легко. Пришлось убрать её так же быстро.

— Я проверяю каждое утро, — Грело поправил бубенчик и внимательно осмотрел маркиза. — Тебе тоже советую. После такого количества вина человек иногда просыпается кем-нибудь неожиданным.

Молодой дворянин за плечом Вильере засмеялся и тут же отвёл глаза, когда маркиз обернулся. Грело заметил это и понял, что лучше бы на этом закончить, но Вильере уже задело именно то, что его приятели смеются не вместе с ним.

— Думаешь, если Анри разрешает тебе сидеть возле его кресла и таскать еду с его стола, это делает тебя равным людям, которые там стоят? — маркиз снова приблизился, теперь уже явно стараясь говорить достаточно тихо, чтобы разговор не слышали случайные прохожие. — Не путай милость хозяина со своим положением.

Пальцы Грело сжались внутри широкого рукава. Он прекрасно знал, что было бы дальше несколько лет назад: короткий ответ, договорённость о секундантах и встреча утром за стенами города. Вильере дрался посредственно, хотя сам об этом ещё не догадывался. Грело дважды видел его на тренировочной площадке и помнил, что перед длинным выпадом маркиз слегка отводит правое плечо.

Сейчас ничего этого показывать было нельзя.

— С положением у меня как раз всё хорошо, — Грело посмотрел себе под ноги, переступил на соседнюю ступень и поднял голову. — Вот оно. Удобное, сухое. Даже сквозняка почти нет.

Кто-то за спиной маркиза фыркнул. Вильере покраснел.

— Шуту полезно помнить, из чьих рук он получает объедки.

На этот раз его приятели замолчали. Один даже отвёл взгляд, понимая, что разговор перестал быть обычной перебранкой. Грело почувствовал, как ноготь больно вошёл в ладонь, и заставил пальцы разжаться.

— Объедки? — он оглянулся по сторонам, затем посмотрел на маркиза так, словно услышал действительно тревожную новость. — А мне столько лет говорили, что это королевская кухня. Вот ведь мерзавцы. Завтра спрошу Анри, почему он кормит меня хуже остальных.

Первым рассмеялся молодой дворянин возле перил. Второй попытался удержаться, но тоже улыбнулся, а третий окончательно отвернулся, пряча лицо. Вильере несколько мгновений смотрел на Грело, понимая, что продолжение разговора уже ничего ему не даст.

— Убирайся, — бросил он, отходя в сторону.

— С удовольствием, — Грело поклонился, придерживая рукой колпак, а проходя мимо остальных, посмотрел на пустой кубок маркиза. — Господа, не давайте ему больше вина. Ещё один кубок, и он начнёт говорить людям что-нибудь приятное. Потом не отмоетесь.

Смех снова раздался за спиной. Грело спускался, не торопясь и не оглядываясь, пока площадка не скрылась из виду. Только внизу, где коридор был пуст, он вынул руку из рукава и посмотрел на ладонь. На коже остались четыре красных следа, один ноготь всё-таки прорезал её. Грело стёр выступившую кровь большим пальцем и несколько раз медленно согнул руку, пока напряжение не ушло из пальцев.

Больше всего раздражал даже не Вильере. К подобным людям он давно привык. Раздражало то, что желание вернуться вверх всё ещё никуда не исчезло. Было бы проще один раз объяснить маркизу, кому именно он бросает подобные слова, однако тогда Вильере запомнил бы совсем другого человека. Грело этого себе позволить не мог.

Из бокового коридора слышались шаги. Он успел опустить руку, поправить колпак и снова принять привычный беспечный вид до того, как из-за угла появились двое гвардейцев. Старший узнал его и усмехнулся.

— Уже выгнали? — спросил он, придерживая перевязь, чтобы ножны не били по ноге при ходьбе. Молодой солдат рядом посмотрел на Грело с тем же выражением, с каким люди обычно ждали очередной глупости.

— Хуже. Отпустили добровольно, — Грело остановился перед младшим и неожиданно оглядел его пояс. — Хлеб есть?

Солдат растерялся и машинально похлопал ладонью по сумке.

— Нет.

— Плохая подготовка. А если король проголодается ночью?

Старший рассмеялся и толкнул товарища локтем.

— У короля есть кухня.

— Разумно, — Грело серьёзно кивнул. — Теперь понимаю, почему Анри держит вас обоих.

Он пошёл дальше, а гвардейцы продолжили свой обход. Когда их шаги стихли, Грело действительно свернул к кухонному крылу. После нескольких часов на приёме он успел съесть больше винограда, чем нормальной еды, а впереди ещё оставался путь через половину дворца.

На кухне работали почти в полсилы. В печах ещё тлели угли, несколько помощников складывали посуду, двое лакеев разбирали серебро, а пожилая Жанна стояла у длинного стола и считала блюда. Она увидела Грело в дверях и ещё до того, как тот открыл рот, подняла деревянную ложку.

— Нет, — объявила она и снова повернулась к посуде.

Грело остановился на пороге и посмотрел за спину.

— Ты кому?

— Тебе.

— Но я ничего не просил.

— Поэтому решила сэкономить нам обоим время, — Жанна передвинула стопку тарелок и заметила, что Грело уже смотрит на блюдо с холодной телятиной. — Даже не думай.

Он подошёл ближе и вытянул шею, рассматривая мясо через её плечо.

— Я только хотел убедиться, что оно не испортилось.

— Оно испортится у тебя внутри, если полезешь руками.

Грело всё-таки протянул пальцы, и деревянная ложка тут же ударила по костяшкам. Он отдернул руку и посмотрел на Жанну с таким возмущением, что один из помощников повара рассмеялся.

— Ты только что ударила человека короля.

— Я ударила человека, который третий раз за неделю таскает еду с моей кухни, — Жанна достала деревянную тарелку, положила на неё телятину, хлеб и кусок сыра и толкнула к нему. — Садись и ешь, раз всё равно не уйдёшь.

— Я всегда говорил, что в глубине души ты добрая женщина.

— Ещё слово — и заберу мясо.

Грело сразу сел на край лавки и занялся едой. Несколько минут спустя кухня снова жила своими делами. Для людей здесь он был привычным посетителем, который мог спорить из-за пирога, воровать сыр и надоедать поварам, поэтому присутствие королевского шута быстро переставало казаться чем-то заслуживающим внимания.

Двое лакеев у дальнего конца стола обсуждали сегодняшний приём. Один протирает серебряный кубок и время от времени смотрел его на свет, второй раскладывал столовые ножи по деревянному ящику.

— Монревель сегодня чуть его не ударил, — произнёс первый и кивнул в сторону Грело. Второй лакей посмотрел на шута.

— Правда?

Грело поднял голову от тарелки.

— Хотел, но я заметил заранее. У него лицо становится очень глупым перед важным решением.

Оба засмеялись, и Грело снова занялся мясом. Через несколько секунд лакеи продолжили разговор уже между собой.

— Всё равно странно, как быстро у графа появились деньги. На прошлой неделе его управляющий занимал у людей конюшего.

— Может, выиграл.

— Монревель? Он за карточным столом теряет больше, чем выигрывает.

Жанна, проходившая мимо с подносом, вмешалась:

— Может, наследство получил.

— У него вся родня жива.

— Значит, кому-то из них пора начинать беспокоиться, — кухарка поставила поднос на полку и вернулась к столу.

Лакеи засмеялись. Грело тоже улыбнулся, не переставая есть.

— Говорят, ему Бонне помог, — добавил первый лакей немного тише. Он оглянулся к двери, но на шуту даже не посмотрел.

Жанна фыркнула.

— Бонне никому не помогает. Он деньги вкладывает. Если дал человеку десять, значит, уже знает, где заберёт двадцать.

Грело поднял кубок с водой в её сторону.

— Если Оноре завтра умрёт, предложу Анри поставить тебя на казну.

Жанна прищурилась.

— Первым делом перестану кормить тебя бесплатно.

Грело поставил кубок обратно.

— Беру предложение назад. Ты не понимаешь государственных нужд.

Кухонная тряпка полетела ему прямо в голову. Он поймал её одной рукой и положил рядом с тарелкой, вызвав ещё один смех у помощников. После этого разговор быстро ушёл в сторону: обсуждали английского посланника, платье одной из фрейлин и какого-то секретаря, заснувшего возле винного погреба.

Грело не пытался вернуть их к Монревелю. За один вечер имя Бонне прозвучало в связи с графом уже несколько раз, причём от людей, которые не могли заранее договориться между собой. Этого хватало, чтобы завтра заняться вопросом внимательнее. Сейчас любое дополнительное любопытство выглядело бы именно любопытством, а шуту лучше было казаться любопытным к чужим любовницам и тарелкам, а не к передвижению денег.

Он закончил есть и взял оставшийся сыр. Жанна увидела это прежде, чем тот успел спрятать добычу.

— Оставь.

— Возьму на случай осады, — Грело завернул сыр в салфетку и сунул за пазуху. — Никогда не знаешь, когда перекроют пути снабжения.

— Если враг доберётся до дворца, бросишь в него.

Грело через ткань оценил вес куска и согласно кивнул.

— Хороший совет. Тяжёлый.

Жанна снова потянулась за ложкой, но он успел схватить колпак и выйти из кухни. За спиной послышался смех, и Грело невольно улыбнулся уже без всякой необходимости изображать веселье.

Дальше коридоры становились тише. Он прошёл внутреннюю галерею, поднялся по узкой лестнице в жилое крыло и почти дошёл до своих комнат, когда впереди заметил двух молодых дворян. Они стояли возле закрытой двери и разговаривали вполголоса. Один увидел Грело и сразу замолчал.

Второй проследил за его взглядом, заметил приближавшегося шута и усмехнулся.

— Да продолжай. Он всё равно не поймёт, о чём речь, — бросил молодой человек, после чего снова повернулся к приятелю.

Грело достал из-за пазухи сыр, развернул салфетку и стал рассматривать его при свете настенного подсвечника.

— В понедельник капитана снимут, — продолжил первый дворянин, хотя теперь говорил чуть тише. Он время от времени поглядывал на Грело, который понюхал сыр и недовольно поморщился. — Приказ уже подготовлен.

— Кто вместо него?

— Не знаю. Кто-то из провинции. Говорят, человек Морне.

Грело остановился возле них и протянул сыр вперёд.

— Господа, мне нужен беспристрастный человек.

Оба посмотрели на свёрток.

— Что ты хочешь?

— Понять, можно ли это есть. Жанна дала мне его на кухне, а она меня не любит.

Второй дворянин отступил.

— Убери.

— Значит, тоже пахнет странно?

— От тебя пахнет странно.

— Это другое. К этому я привык.

Они рассмеялись, а Грело завернул сыр обратно и пошёл дальше. Разговор за его спиной возобновился почти сразу, но он уже не пытался разобрать слова. Какого капитана собирались сменить, пока не имело значения; если новость относилась к чему-то действительно важному, фамилия ещё всплывёт.

У двери своих комнат он оглянулся в обе стороны. Коридор был пуст. Грело достал ключ, открыл дверь, вошёл и запер её за собой. Несколько секунд он просто стоял возле замка, прислушиваясь к удаляющимся голосам в коридоре, после чего снял колпак и положил его на стол. Следом снял с шеи серебряный бубенчик и оставил рядом.

В его комнатах почти ничего не напоминало о придворном шуте. Возле стены стояла широкая кровать, у окна — тяжёлый письменный стол, рядом шкаф и старый дорожный сундук. На полке лежали несколько книг и колода карт в потёртом футляре; на спинке кресла висел тёмный плащ с аккуратно заштопанным плечом. Он давно мог позволить себе новый, но старый всё равно оставался на прежнем месте.

На стене над сундуком висела шпага.

Гаспар расстегнул камзол, снял его и бросил на кресло. Только теперь он снова посмотрел на правую ладонь. Следы от ногтей уже потемнели, один всё ещё неприятно саднил. В памяти сразу возник Вильере на лестнице, его рука возле колпака и слова об объёдах.

Гаспар подошёл к стене и взялся за эфес. Маркиза он видел со шпагой дважды и хорошо представлял себе, как тот дерётся: слишком широко стоит, легко теряет терпение после первого промаха и заранее выдаёт длинный выпад правым плечом. Если бы разговор произошёл несколько лет назад, к этому часу уже нашёлся бы секундант, а утром обоим пришлось бы выехать за город.

Он вытянул клинок из ножен примерно на ладонь, осмотрел сталь и вернул его обратно. Злость от этого никуда не делась, но возвращаться вверх Гаспар уже не собирался. Вильере должен был лечь спать уверенным, что снова поспорил с наглым шутком и только поэтому оказался смешон перед приятелями. Если маркиз когда-нибудь узнает, насколько близок был к настоящему вызову, значит, Гаспар сам где-то ошибся.

Он подошёл к умывальнику, налил воды из кувшина и несколько раз плеснул ею на лицо. Холод немного помог. Гаспар вытерся, сменил камзол на простую рубашу и сел возле стола, где

стояла недопитая бутылка вина. Кубок он наполнил примерно наполовину и впервые за вечер выпил нормальный глоток, не думая о том, кто за ним наблюдает.

На приёмах приходилось следить и за этим. Грело имел репутацию человека, который любит вино, и опровергать её не было никакого смысла, однако настоящего опьянения он старался избегать. Полный кубок можно было долго держать в руке, изредка подносить к губам, потом оставить на подоконнике и взять другой. Через некоторое время окружающие сами начинали видеть то, что ожидали: чуть более широкую улыбку, свободную походку, более громкий голос. Никто не считал, сколько вина при этом действительно было выпито.

Сегодня польза от этой репутации снова оказалась очевидной. Люди Керси обсуждали при нём деньги Монревеля, лакеи на кухне повторили тот же слух, а двое молодых дворян даже не стали уходить в другое место, когда разговаривали о готовящейся замене какого-то капитана. Достаточно было надеть колпак, сказать пару глупостей о деньгах или сыре — и человек переставал видеть в нём собеседника, от которого стоит что-либо скрывать.

Анри именно на это и рассчитывал, когда предложил ему эту роль.

Поначалу Гаспар относился к затее куда хуже, чем теперь был готов признать. Дело было даже не в колпаке. Ему не нравилась сама мысль о том, что придётся сознательно позволять людям считать себя глупее, слабее и ничтожнее, чем он был на самом деле. В армии всё складывалось проще: если человек считал его трусом, можно было дать тому возможность проверить; если обвинял во лжи — существовали понятные способы разобраться. При дворе подобная прямота чаще помогала противнику, чем самому Гаспару.

Постепенно он понял и другое. Недостаточно было выйти в шутовском камзоле на приём, провести несколько часов возле короля, а затем снова стать собой перед первой же служанкой. В Бельриве слишком много людей замечали слишком много мелочей. Паж видел, кто и когда вошёл к Анри; лакей запоминал, какой человек после разговора с королём перестал улыбаться; гвардейцы знали, кто задержался за закрытой дверью. Стоило слугам однажды заметить, что Грело выходит из кабинета государя совершенно другим человеком, и рано или поздно кто-нибудь начал бы сопоставлять вещи, которые лучше было не сопоставлять.

Поэтому приходилось оставаться Грело и после приёма. Шут мог быть голоден — значит, он шёл на кухню и устраивал представление из куска мяса. Мог услышать чужой разговор — значит, в это время у него обязательно находилось какое-нибудь совершенно нелепое занятие. Его могли оскорбить, и тогда ответ должен был заставить людей смеяться, а не задумываться, почему человек с бубенцами вдруг посмотрел на обидчика так, как смотрят перед дуэлью.

Гаспар сделал ещё один глоток и поставил кубок. Усталость стала заметнее теперь, когда уже не нужно было её скрывать. Несколько часов он следил за десятками лиц, слушал разговоры, запоминал мелочи, постоянно решал, где можно позволить себе лишнее слово, а где лучше превратить серьёзный вопрос в очередную шутку. Само остроумие утомляло меньше всего. Гораздо труднее было не отвечать так, как отвечал бы Гаспар де Марсан.

Он развернул салфетку с сыром, который утащил с кухни, отрезал кусок ножом и невольно улыбнулся. Это, по крайней мере, не приходилось изображать. Гаспар действительно любил таскать еду у Жанны, действительно мог спорить с поваром о соусе и действительно предпочитал хорошее вино плохому. Если бы Грело был целиком выдуман, носить его изо дня в день оказалось бы куда тяжелее.

Несколько минут он ел молча, затем вернулся мыслями к сегодняшним разговорам. Монревель получил деньги. Бонне каким-то образом оказался связан с этой историей, но привычных записей в книгах Бонне никто не видел. Завтра стоило узнать, кому граф задолжал в последние месяцы, что происходило в его конюшнях и не нанимал ли он новых людей. Возможно, всё объяснится карточным долгом, землёй или очередной дорогой любовницей. Гаспар

даже предпочёл бы именно это: глупости богатых дворян обычно доставляли меньше хлопот, чем их политические намерения.

Он подошёл к окну и немного приоткрыл ставню. Внизу во внутреннем дворе менялся караул. Офицер с фонарём проверял посты, возле конюшни двое слуг вели лошадь, а через двор быстрым шагом прошёл человек с папкой под мышкой. Часть Бельрива ещё долго не уснёт; канцелярии работали до глубокой ночи, на кухне готовились к утру, у ворот принимали запоздалых гонцов, а в комнатах придворных продолжались разговоры, которые завтра могли оказаться важнее официальных заседаний.

Гаспар закрыл ставню и вернулся к столу. Колпак лежал рядом с подсвечником, один из бубенчиков подвернулся под ткань. Он машинально потянулся поправить его, но остановил руку и усмехнулся собственному движению. До утра колпак мог лежать как угодно.

Он взял кубок и пересел ближе к кровати. В комнате никого не было, и впервые за весь день ему не требовалось следить, какое выражение появилось на его лице.

Глава 3. Цена болтовни.

Утром в дверь постучали раньше, чем Гаспар успел проснуться сам. Стук повторился три раза, после чего за дверью воцарилась тишина: человек снаружи явно знал, что хозяин комнаты услышал, и не собирался испытывать его терпение лишним шумом. Гаспар открыл глаза, несколько секунд смотрел на светлую полосу между ставнями, потом повернул голову к столу. Колпак лежал там же, где он оставил его ночью, рядом поблёскивал серебряный бубенчик, а в кубке осталось немного вина.

— Если Бельрив горит, начинайте с восточного крыла. Там всё равно давно пора делать ремонт, — произнёс он, садясь на кровати и нащупывая ногами сапоги. За дверью кто-то тихо фыркнул, однако голос пажа, когда тот ответил, снова стал почтительным.

— Его Величество велел передать, что малый совет собирается через четверть часа. Вас просят прийти, господин Грело, — юноша немного помедлил и, видимо решив, что поручение выполнено, уже сделал шаг от двери.

— Четверть часа? — Гаспар поднялся и налил воду в таз. — Передай Анри, что это оскорбительно мало для человека моей наружности. Хотя нет, ничего не передавай. Он обязательно решит проверить, сколько мне действительно требуется.

Паж рассмеялся уже открыто, пожелал ему доброго утра и ушёл. Гаспар плеснул холодной водой в лицо, вытерся и некоторое время стоял у умывальника, окончательно приходя в себя. Спал он меньше, чем следовало, но жаловаться на это было некому, да и особого желания не возникало. Через несколько минут он уже застёгивал зелёно-чёрный камзол, а перед самым выходом привязал к шее знакомый серебряный бубенчик и натянул колпак.

В коридоре Бельрив давно жил обычной утренней жизнью. Лакеи несли горячую воду в покои знати, секретари торопились из канцелярий с папками под мышкой, у лестницы два дворянина спорили о порядке подачи прошений. Один из них увидел Грело, недовольно отступил к стене и прижал свёрнутый лист к груди так, словно опасался, что шут отнимет его прямо по дороге.

— Только тебя с утра не хватало, — пробормотал он, пропуская Грело вперёд, а его собеседник тут же улыбнулся, предчувствуя ответ.

— Не тревожься, я быстро, — Грело прошёл несколько шагов спиной вперёд и указал на толстое прошение в руках дворянина. — А вот тебе, похоже, придётся задержаться. Если Анри дочитает это до конца, мы успеем состариться все втроём.

Второй мужчина рассмеялся, первый сердито спрятал бумагу под плащ. Грело уже отвернулся и пошёл дальше, не позволяя разговору задержать себя дольше необходимого. Малый совет собирался редко без причины, и если Анри велел поднять его с постели, значит, утро обещало оказаться интереснее обычного.

Перед дверью малой палаты стояли четверо гвардейцев. Старший молча открыл створку, но молодой солдат рядом всё-таки проводил Грело удивлённым взглядом. К подобным взглядам тот привык: люди могли месяцами видеть королевского шута возле трона и всё равно недоумевали, почему его пропускают туда, где даже знатное имя не всегда открывало дверь.

Малая палата была предназначена для работы, а не для впечатления гостей. Посередине стоял длинный дубовый стол, почти всю левую стену занимала карта королевства, у окна находился шкаф с папками и печатями. За столом уже сидели Анри, первый министр Этьен де Морне и адмирал де Шантре. Чуть в стороне, возле карты, стоял Матье Леклер — человек, которому король поручал тайные розыски, наблюдение за подозрительными людьми и сеть осведомителей, разбросанную от столичных таверн до приграничных крепостей. Официального громкого титула для этой работы у него не было, но при дворе прекрасно знали: если Леклер задаёт вопросы, значит, кто-то уже успел заинтересовать короля.

Грело вошёл, оглядел собравшихся и направился не к столу, а к окну. По дороге он снял с блюда небольшую грушу, стоявшую возле Анри, и устроился на широком подоконнике, словно оказался здесь исключительно ради завтрака.

— Я вижу, вы начали без меня. Это многое объясняет, — заметил он, рассматривая грушу и выбирая, с какой стороны откусить. Морне поднял глаза от бумаг, но отвечать не стал, тогда как Анри лишь едва заметно усмехнулся.

Адмирал де Шантре отреагировал иначе. Он некоторое время смотрел на Грело, затем повернулся к королю и сдержанно спросил:

— Ваше Величество, разговор, который нам предстоит, обязательно вести в его присутствии? — он произнёс последнее слово без особой неприязни, но достаточно ясно дал понять, что место шута на подоконнике рядом с государственными бумагами считает странным.

Грело первым посмотрел на дверь.

— Я могу выйти. Правда, тогда вам придётся потом пересказать самое интересное, а память у военных, говорят, портится от порохового дыма, — он откусил грушу и с любопытством посмотрел на адмирала, словно действительно ожидал решения от него.

Анри не дал Шантре продолжить.

— Пусть сидит, — король подвинул к себе несколько листов и взглядом вернул адмирала к делу. — Матье проверил вчерашний разговор Уолсингема с вами. Я хочу услышать всё ещё раз при тех, кто присутствовал на приёме.

Шантре недовольно сжал губы, однако спорить не стал. Леклер отступил от карты и положил ладонь на спинку свободного кресла.

— Сэр Эдмунд действительно интересуется нашими кораблями, государь. Но разговор начался не вчера и не по его инициативе, — Матье говорил спокойно, время от времени поглядывая в короткую записку перед собой. — Английская сторона ещё три недели назад предложила оплачивать часть расходов на сопровождение торговых судов по северному маршруту. Адмирал сообщил об этом моим людям почти сразу.

Шантре кивнул и провёл пальцем по краю стола.

— Уолсингем хотел знать, сколько кораблей мы сможем вывести до осени. Никаких других предложений он мне не делал, — адмирал бросил короткий взгляд на Грело, который как раз с невинным видом откусывал очередной кусок груши.

Анри тоже посмотрел на шута.

— Что скажешь, Грело?

В комнате на мгновение стало тише. Морне слегка повернул голову, адмирал нахмурился ещё сильнее. Со стороны вопрос государя выглядел именно так, как должен был выглядеть: король по привычке решил развлечься мнением собственного шута посреди серьёзного разговора.

Грело задумчиво посмотрел на Шантре.

— Скажу, что сэр Эдмунд любит наши корабли значительно больше, чем французские вина. На вино вчера он смотрел без расчёта, а на адмирала — каждый раз, когда речь заходила о море, — он доел грушу и попытался попасть огрызком в пустую чашу на столе. Промахнулся, огрызок прокатился между бумагами Морне, и первый министр молча подвинул чашу ближе.

Шантре фыркнул.

— Это всё?

— Нет. Ещё у вас ужасный портной, но, полагаю, к государственной безопасности это отношения не имеет.

Анри опустил глаза к бумагам, скрывая улыбку. Леклер же на короткое мгновение встретился взглядом с Грело и почти незаметно кивнул. Он услышал в ответе именно то, что требовалось; остальные получили обычную шутку.

— Значит, на Уолсингема пока время не тратим, — Анри перевёл взгляд на адмирала. — Если условия сопровождения изменятся или появится предложение, о котором вы не докладывали, я хочу знать раньше, чем английский посол успеет выйти из вашей комнаты.

Шантре спокойно подтвердил приказ. Морне тем временем раскрыл другую папку и положил перед королём лист с несколькими цифрами.

— Тогда у нас остаётся вопрос, который уже стоит казне денег. Вчера мы решили направить дополнительное зерно в Лоренн и две соседние области. Объявить решение должны были завтра после полудня, — первый министр говорил ровно, но по тому, как он придерживал документ двумя пальцами, было заметно раздражение. — Сегодня ещё до открытия большинства рынков три торговых дома начали скупать зерно в столице и окрестностях.

Анри откинулся на спинку кресла.

— Цена уже поднялась почти на десятую часть. Если закупки продолжатся ещё день, казна будет приобретать собственное зерно дороже из-за решения, которое сама ещё не объявила, — король провёл пальцем по строке и посмотрел на Морне. — Кто знал?

— Мы с вами, Бонне, два секретаря малого совета и трое чиновников, готовивших распоряжение, — Морне отсчитал людей на пальцах и положил ладонь на стол. — Кроме того, о направлении зерна должен был знать Леклер, поскольку часть обозов потребует охраны.

Матье кивнул.

— Мои люди получили сведения только ночью. До этого никто из них не имел доступа к решению, — он перевёл взгляд на короля. — Я уже начал проверять секретарей и канцелярских чиновников.

Грело молчал. Он ковырял ногтем маленькую трещину на деревянной раме окна и выглядел настолько незаинтересованным, что Шантре вскоре вообще перестал поглядывать в его сторону.

Анри, однако, снова обратился именно к нему.

— А ты чего притих?

Грело поднял голову.

— Наслаждаюсь редким зрелищем. Семь взрослых людей знали секрет, а виноваты пока бумаги.

Морне усмехнулся, хотя едва ли нашёл замечание особенно смешным.

— Возможно, ты предложишь допросить бумаги лично?

— Нет. Они слишком хорошо умеют молчать, — Грело почесал висок краем колпака и посмотрел на короля. — Я бы начал с людей. Люди обычно хуже.

Анри некоторое время держал его взгляд, потом вернулся к Леклеру.

— Проверь всех, кто имел доступ к решению. Без арестов, пока не будет причины. Мне не нужен скандал в канцелярии только потому, что один торговец оказался удачливее других.

Леклер наклонил голову. Совет продолжился, и Грело больше не вмешивался без приглашения. Обсудили состояние восточной дороги, задержку жалования двум гарнизонам и жалобу духовенства Сен-Люка на сборщика налогов, который за один месяц умудрился поссориться с аббатом, городским советом и собственными стражниками. Грело дважды позволил себе замечания, когда Анри сам обращался к нему, а остальное время сидел у окна, ел вторую грушу и изредка смотрел на присутствующих так, будто действительно едва следил за разговором.

Когда бумаги закончились, Анри поднялся. Адмирал первым собрал документы и направился к двери; Морне задержался, чтобы уточнить время вечернего доклада, после чего последовал за ним. Секретарь, записывавший решения, тоже вышел и аккуратно прикрыл за собой створку.

Леклер остался.

Грело всё ещё сидел на подоконнике. Он дождался, пока шаги в коридоре удалятся, затем снял колпак и положил рядом. Анри подошёл к двери, проверил, плотно ли она закрыта, и только после этого вернулся к столу.

— Теперь без груш и адмирала, — король сел и кивнул Грело. — Что ты действительно увидел вчера?

Гаспар спрыгнул с подоконника. Он не стал садиться, а подошёл к столу и опёрся ладонью о край карты, лежавшей среди бумаг.

— По Уолсингему Матье, скорее всего, прав. Он следил за Шантре, когда речь заходила о море, но не пытался скрыть интерес. Если бы они договаривались о чём-то другом, посол должен быть либо очень глупым, либо очень уверенным в себе, — Гаспар повернул голову к Леклеру. — На первое он пока не похож.

— На второе вполне, — Матье взял стул и сел напротив. Теперь его голос изменился: исчезла сухая официальность, с которой он докладывал при адмирале. — Я проверю его людей ещё раз, но пока там ничего нет.

Анри кивнул.

— Монревель?

Гаспар посмотрел на короля.

— Вот там что-то есть, но я пока не знаю что. Вчера он слишком быстро отреагировал на имя Бонне, а ночью я дважды услышал одно и то же от людей, которые никак между собой не связаны, — он рассказал о разговоре в западном переходе и о слухах на кухне, не пытаясь приукрашивать услышанное. — Один человек, работавший с финансовыми реестрами, уверен, что люди Монревеля получили крупную сумму, которой нет в обычных реестрах.

Леклер провёл большим пальцем по подбородку.

— И ты опять шлялся по кухням после полуночи?

— Там кормят лучше, чем у твоих осведомителей, — Гаспар посмотрел на него с лёгкой усмешкой. — И разговаривают значительно охотнее.

— У меня есть люди для подобных вещей.

— Именно поэтому при появлении твоих людей все вспоминают, что умеют молчать.

Матье хотел ответить, но Анри поднял ладонь.

— Не начинайте с утра. Матье, можешь проверить деньги Монревеля так, чтобы он не заметил?

— Если они прошли через кого-то из его обычных кредиторов — к вечеру буду знать. Если расчёт был частным, потребуется больше времени, — Леклер взял лист и быстро записал несколько слов. — В дом графа пока никого не отправляю.

— И правильно, — Гаспар выпрямился. — Монревель вчера едва не лопнул от одного вопроса о камзоле. Если возле его дома сегодня появится новый слуга, даже он начнёт думать.

Леклер бросил на него короткий взгляд.

— Иногда ты удивительно высокого мнения о человеческой наблюдательности.

— Нет. Просто Монревель подозрителен, когда дело касается денег. Это другое.

Анри отодвинул папку и подался вперёд.

— А теперь зерно. Матье хочет проверить людей официально. Ты вчера говорил, что этого делать не надо. Почему?

Гаспар на несколько мгновений задумался.

— Потому что человек, который продал сведения, будет готов к вопросам. Он заранее знает, что совершил. Я бы сначала поискал того, кто вообще не понимает, что сделал что-то опасное, — он потянул к себе список людей, имевших доступ к решению, и просмотрел имена. — Кто вчера после совета первым ушёл из дворца?

Леклер подвинул стул ближе.

— Пьер д'Эскаль отправился домой. У него больная жена, это подтверждено. Клод Вернье вышел около девяти, вернулся через два часа. Антуан Лавер оставался в канцелярии почти до полуночи. Остальные трое разошлись между десятью и одиннадцатью.

— Куда ходил Вернье?

— Пока не знаю.

Гаспар поднял голову.

— Значит, узнай не ты.

Матье нахмурился.

— И кто?

— Я.

— Разумеется, — Леклер откинулся на спинку стула и посмотрел на Анри. — Когда-нибудь я всё-таки выясню, зачем мне вообще держать людей в городе.

— Чтобы делать то, что Гаспар не может, — спокойно ответил король. — И исправлять то, что он испортил.

Гаспар повернулся к нему.

— Вот это уже неблагодарность. Я хотя бы обычно предупреждаю, прежде чем портить. Анри усмехнулся, затем снова стал серьёзен.

— До вечера. Если ничего не найдёшь, Матье начнёт свою проверку.

— До вечера хватит, — Гаспар взял список и сложил его пополам. Перед тем как убрать бумагу в рукав, он посмотрел на Леклера. — Кстати, ночью слышал ещё один разговор. Двое молодых господ обсуждали, что в понедельник снимут какого-то капитана, а вместо него поставят человека Морне.

Леклер на секунду задумался, затем усмехнулся.

— Арно Ферье. Комендант заставы у Сен-Бертена. Три недели назад упал с лошади, сломал бедро и сам попросил замену. Морне предложил человека, который служил с его племянником.

Гаспар немного помолчал.

— И всё?

— Тебе хотелось государственной измены?

— Хотя бы хорошего скандала.

— Извини. Обычное покровительство.

Гаспар сунул список в рукав.

— Начинаю разочаровываться во дворе.

Он вышел из малой палаты первым. В коридоре снова пришлось стать Грело прежде, чем дверь закрылась за спиной: молодой паж нёс навстречу поднос с письмами, чуть дальше разговаривали двое офицеров. Грело поправил колпак и, проходя мимо пажа, попытался вытащить верхнее письмо. Юноша успел поднять поднос выше головы.

— Нельзя, господин Грело.

— Вот так всегда. Человек хочет расширить образование, а ему мешает канцелярия, — Грело развёл руками и продолжил путь, слыша за спиной смех.

Клод Вернье работал в небольшой комнате рядом с архивом малого совета. Когда Грело появился в дверях, секретарь сидел за столом и переписывал какой-то приказ. Ему было около двадцати пяти, волосы он зачёсывал назад слишком тщательно, а на пальцах постоянно оставались следы чернил, как бы часто он ни вытирал руки.

Грело вошёл без приглашения и сел на край стола.

— Уйди, — Клод даже не поднял головы. Он продолжил писать, только отодвинул чернильницу подальше от гостя. — Сегодня у меня работы больше, чем желания тебя терпеть.

— У всех так, — Грело взял песочницу и переставил на другую сторону листа. Клод тут же вернул её обратно, а шут снова передвинул, теперь чуть дальше. — Ты просто первый, кто осмелился признаться.

Секретарь наконец поднял глаза.

— Если ты ещё раз её тронешь, я позову стражу.

— Хорошо, — Грело согласно кивнул и убрал руки на колени. Через мгновение он заметил тонкую голубую ленту, наполовину спрятанную под стопкой бумаг. — А это твоё?

Клод слишком быстро накрыл ленту ладонью.

— Не трогай.

Грело перевёл взгляд с руки секретаря на его лицо.

— Теперь обязательно потрогаю.

— Грело.

— Женщина?

Клод покраснел и раздражённо придвинул бумаги ближе.

— Тебе заняться нечем?

— Совершенно. Король занят, Морне скучный, Леклер не любит меня с утра, — Грело вытянул ноги и устроился удобнее. — Поэтому рассказывай. Красивая?

Секретарь старался не улыбаться, но получилось плохо.

— Очень.

— Богатая?

— Почему это первое, что тебя интересует?

— Потому что если богатая, тебе придётся страдать. Если бедная, ещё есть надежда страдать вместе.

Клод рассмеялся и отложил перо. Грело не торопил его, позволив разговору пройти через знакомство, имя девушки и обстоятельства встречи. Через несколько минут выяснилось, что её зовут Мари Фавр, она приходится племянницей столичному торговцу и вчера вечером действительно встречалась с Клодом в доме общей знакомой.

— Торговец чем? — Грело взял перо и покрутил его между пальцами, стараясь не смотреть на секретаря слишком внимательно.

— Всем понемногу. Зерно, ткани, вино, — Клод пожал плечами и протянул руку за пером. — Отдай, ты сломаешь.

Грело позволил забрать перо.

— И чем ты её развлекал? Неужели рассказывал о том, сколько документов переписал за день?

— Мы разговаривали нормально.

— Это я понял. О чём?

— Не помню. О городе, знакомых, её дяде, — Клод снова взялся за письмо, однако теперь писал медленнее. — Она жаловалась, что торговля в этом месяце плохая.

Грело наклонился и стал рассматривать печать на соседнем документе.

— Зерно дорого?

Клод перестал писать.

Пауза была короткой, но её хватило.

Грело поднял голову.

— Что ты ей сказал?

— Ничего.

— Я ещё не спрашивал, говорил ли ты что-нибудь.

Клод медленно положил перо. На лице появилось выражение человека, который внезапно вспомнил вчерашний разговор гораздо лучше, чем минуту назад.

— Я просто сказал, что цены могут измениться.

— Почему?

— Она сказала, что дядя собирается покупать зерно и не знает, ждать или нет, — секретарь провёл ладонью по волосам, потом посмотрел на дверь. — Я не называл Лоренн. Не говорил о решении совета. Просто сказал, что через несколько дней рынок может пойти вверх.

Грело перестал улыбаться.

— Зачем?

Клод несколько секунд молчал и наконец пожал плечами.

— Не знаю. Хотел... не выглядеть перед ней обычным писарем.

Грело смотрел на него достаточно долго, чтобы Клод начал ёрзать на стуле.

— Деньги она тебе давала?

— Нет.

— Подарки?

— Только эту ленту.

— Просила узнавать что-нибудь ещё?

— Никогда.

— Её дядя знает, где ты служишь?

Клод закрыл глаза.

— Конечно.

Грело слез со стола и прошёл к окну. Всё выглядело слишком просто, и именно поэтому объяснение ему не нравилось меньше, чем если бы секретарь признался в продаже сведений. Человек мог разрушить месячную работу не из-за золота и не ради политики, а просто потому, что захотел казаться интереснее перед девушкой.

— Что теперь будет? — Клод спросил тихо и уже без раздражения. Он сидел неподвижно, сцепив пальцы перед собой.

Грело повернулся.

— Сейчас ты останешься здесь и никому ничего не скажешь. Особенно Мари. Если решишь предупредить её или её дядю, разговор продолжит Леклер, а он значительно хуже меня шутит.

Клод побледнел ещё сильнее.

— Король узнает?

— Да.

— Грело...

— Не проси меня ничего скрывать, — Грело подошёл к столу и наклонился, чтобы секретарь смотрел прямо на него. — Если ты сказал правду и не продавал сведения, я так и передам. Если соврал хоть в одном месте, Матье найдёт это раньше вечера.

Клод кивнул. Грело снова надел обычную улыбку ещё до того, как открыл дверь, и вышел в коридор, где две девушки из канцелярии несли стопку документов. Одна из них улыбнулась ему, вторая спросила, что он делал у Вернье.

— Пытался научить его писать, — Грело указал большим пальцем на дверь. — Бездёжный случай. Он знает слишком много букв.

До полудня Леклер проверил историю. Мари действительно рассказала дяде о разговоре с Клодом, тот связался с двумя торговыми домами, и ещё ночью из города выехали люди с распоряжениями начинать закупки. Ни денег, ни обещанных услуг, ни других сведений секретарь не получал. Глупость оказалась именно глупостью, хотя от этого она не стала дешевле для казны.

Анри выслушал доклад ближе к вечеру в небольшой комнате рядом с библиотекой. Морне стоял у окна, Леклер держал в руках результаты проверки, а Грело сидел на подлокотнике кресла и медленно вращал яблоко в ладони.

— Значит, один человек захотел произвести впечатление на девушку, девушка похвасталась перед дядей, а дядя за несколько часов успел поднять рынок, — Анри прошёл от стола к окну и остановился рядом с Морне. — Иногда мне кажется, что половина законов существует только потому, что люди не способны вовремя закрыть рот.

— Вторая половина существует потому, что первая всё равно не работает, — Грело подбросил яблоко и поймал его. Морне посмотрел на него, но на этот раз даже не стал комментировать.

Леклер раскрыл лист.

— Девушка и её дядя подтверждают рассказ Вернье. Предварительной договорённости не было. Торговец просто воспользовался сведениями сразу после того, как их получил.

Анри несколько секунд смотрел на бумаги.

— Вернье убрать из канцелярии малого совета. На полгода отправить в архив восточной палаты, без доступа к текущим распоряжениям, — король перевёл взгляд на Леклера. — Если за это время научится держать язык за зубами, Морне решит, возвращать его или нет.

Грело перестал крутить яблоко.

— И всё?

Анри посмотрел на него.

— Ты хотел повесить?

— Я как раз думал, что ты сегодня добрый.

— Не привыкай.

Морне собрал бумаги и направился к двери вместе с Леклером. Перед выходом Матье задержался возле Грело и негромко произнёс:

— Тебе повезло.

Грело приподнял бровь.

— В чём?

— Он действительно оказался дураком.

— Я редко ошибаюсь в дураках, — Грело улыбнулся и подбросил яблоко ещё раз. — Профессиональный опыт.

Леклер покачал головой и вышел. Когда дверь закрылась, Анри ещё некоторое время просматривал бумаги, а Гаспар пересел с подлокотника в кресло и наконец откусил яблоко.

— Ты хотел, чтобы я его оставил, — произнёс король, не поднимая глаз.

Гаспар прожевал и пожал плечами.

— Я хотел, чтобы ты не путал глупость с изменой.

— Из-за его глупости казна потеряет деньги.

— Тогда заставь его переписывать счета следующие двадцать лет. Он хотя бы научится считать.

Анри отложил бумагу и посмотрел на него.

— Ты всегда так разделял людей?

Гаспар усмехнулся.

— Нет. Когда-то я делил их на тех, кого уже успел ударить, и тех, кто ещё не заслужил.

— Вторых было мало.

— В молодости у меня были строгие требования.

Анри рассмеялся, затем поднялся и взял со стола перчатки.

— Пойдём. Я обещал Морне посмотреть старое западное крыло до того, как строители окончательно его разберут.

Они вышли вместе. До лестницы за ними никто не следовал, но затем к королю присоединились двое гвардейцев и остались в нескольких шагах позади. Анри относился к охране без особой любви, однако после нескольких попыток добраться до него даже он перестал спорить с Леклером по каждому поводу.

Западное крыло сохраняло больше от старого Бельрива, чем остальные части дворца. Потолки здесь были ниже, окон меньше, каменный пол местами успел просесть, а на стенах вместо новых гобеленов висели старые знамена и оружие, привезённое из походов. Некоторые полотнища давно выцвели, но Анри не разрешал их снимать, даже когда архитекторы жаловались, что они мешают переделке галереи.

Возле одного из знамён король остановился. Тёмно-синяя ткань была разорвана у нижнего края, рядом с древком сохранилось выцветшее пятно, которое когда-то было почти чёрным.

— Сен-Реми, — Анри протянул руку и осторожно коснулся разреза. Гаспар тоже остановился и несколько мгновений рассматривал знакомую ткань, вспоминая совсем не дворцовую галерею.

— Ты тогда сказал, что мой план идиотский, — король повернулся к нему, заранее улыбаясь, словно прекрасно помнил, что услышит.

— Он и был идиотский, — Гаспар подошёл ближе и провёл взглядом по старому древку. — То, что мы победили, не сделало его лучше.

— Мы взяли город.

— После того как ты трижды едва не позволил себя убить.

Анри убрал руку от знамени и посмотрел на него с притворным возмущением.

— Дважды.

Гаспар покачал головой.

— Вот поэтому я и не люблю твои воспоминания. С каждым годом в них становится меньше неприятных подробностей.

— А в твоих, наоборот, больше.

— Кто-то должен сохранять точность.

Анри рассмеялся и продолжил путь по галерее. Гаспар задержался у знамени ещё на несколько секунд, разглядывая место, где старая ткань была разрезана почти до середины, а потом догнал короля.

Сен-Реми они действительно помнили по-разному.

Глава 4. Сен-Реми.

Под Сен-Реми вода даже в конце лета была такой холодной, что Гаспар окончательно проснулся после первой же пригоршни. Он выругался, наклонился над деревянной бадьёй и плеснул себе в лицо ещё раз, уже скорее из упрямства. Дождь, мучивший лагерь почти всю ночь, прекратился перед рассветом, но сырость никуда не делась: плащ у входа в палатку оставался влажным, сапоги возле жаровни так и не просохли, а повязка на левом плече неприятно стягивала кожу всякий раз, когда он поднимал руку.

Небольшое металлическое зеркало висело на стойке палатки, и Гаспар, вытирая ладонью воду с подбородка, невольно задержался перед ним. Тёмные волосы после умывания казались почти чёрными и прилипли ко лбу; на правой скуле темнел синяк, полученный два дня назад у брода, под глазами обозначились следы нескольких коротких ночей. Худое лицо выглядело ещё жёстче из-за щетины, но бриться он не собирался. Если сегодняшний план сработает, к полудню на нём всё равно будет столько речной грязи, что никто не заметит разницы.

— Если ты любишь себя, могу приказать принести зеркало побольше, — слышалось за спиной.

Гаспар узнал голос сразу и даже не обернулся. Он ещё раз провёл полотенцем по волосам, потом кивнул на бадью.

— Если ты пришёл давать советы о красоте, Анри, нам лучше сдаться Сен-Реми прямо сейчас. Возможно, противник проявит милосердие.

Принц подошёл ближе, и теперь Гаспару стало понятно, где тот успел побывать до рассвета. На высоких сапогах грязь доходила почти до голени, по краю серого походного плаща прилипли тонкие стебли речной травы, а светло-русые волосы, которые при дворе наверняка уже попытались бы привести в порядок несколько слуг, сейчас торчали в разные стороны. На солнце они обычно выгорали почти до золотистого оттенка, но в сыром утреннем свете казались темнее. Серо-голубые глаза, напротив, выглядели слишком бодрыми для человека, который лёг ненамного раньше Гаспара.

— К мосту ходил? — де Марсан бросил полотенце на натянутую возле палатки верёвку и указал взглядом на сапоги гостя.

Анри опустил глаза и чуть развёл руками.

— Неужели настолько заметно?

— Совсем нет, — меланхолично отозвался Гаспар. — Я решил, что ты с рассветом отправился месить болото исключительно ради здоровья.

Принц хмыкнул, снял перчатки и подошёл к бадье.

— Передовые посты сменились час назад. Хотел поговорить с людьми до совета, пока офицеры не успели объяснить мне, что солдаты на самом деле думают. — Анри зачерпнул ледяную воду и плеснул себе в лицо. Он даже не поморщился, и Гаспар, слишком хорошо знавший друга, сразу заподозрил показное геройство. — За ночь они усилили баррикаду у западного конца моста. И поставили ещё две лёгкие пушки.

Гаспар скрестил руки на груди.

— Тогда твой план стал ещё хуже.

Принц вытер воду с подбородка ладонью и посмотрел на него исподлобья.

— Доброе утро тебе тоже, Марсан.

— Я стараюсь начинать его с приятных новостей.

— Через десять минут совет.

— Прекрасно. Там я смогу испортить тебе настроение уже обстоятельно.

Анри покачал головой и потянулся за перчатками.

— Вот за это я тебя и держу рядом.

— Нет, — Гаспар подхватил перевязь с мечом и застегнул её на поясе. — Рядом ты меня держишь потому, что остальные слишком воспитанные.

— Иногда я об этом жалею.

— Но недостаточно часто.

Они вышли из ряда палаток вместе. Лагерь уже просыпался: над кострами поднимался густой дым, солдаты грели руки возле жаровен, оруженосцы седлали лошадей, кто-то ругался из-за отсыревшего пороха. Из котлов тянуло кашей и луком, возле коновязи пахло мокрой шерстью и навозом. За лагерем лежала широкая низина, ещё затянутая утренним туманом, а дальше, на противоположном берегу реки, серели стены Сен-Реми.

Город третий день не давал армии двигаться на юг. Через реку вёл старый каменный мост, достаточно широкий для повозок и слишком узкий для того, чтобы быстро провести по нему большой отряд. За мостом защитники возвели баррикаду из телег и брёвен, заняли несколько домов по обе стороны дороги и превратили колокольню небольшой часовни в удобную позицию для стрелков. Вчера всё выглядело неприятно. После появления двух пушек стало ещё хуже.

У большой командирской палатки их уже ждал паж. Увидев Анри, юноша выпрямился и торопливо снял шапку.

— Ваше высочество, барон де Ровиль и остальные командиры собрались.

— Идём, — ответил принц, не замедляя шага.

Гаспар заметил, как паж проводил его взглядом. К тому, что де Марсан появлялся рядом с принцем без приглашения, новые люди привыкали не сразу. Старые уже знали: если Анри собирался обсуждать бой, Гаспар либо окажется за столом сам, либо всё равно узнает о разговоре через четверть часа и придёт объяснять, что именно было решено неправильно.

Внутри палатки пахло свечным воском, мокрой тканью и вином, которое кто-то разлил на карту ещё накануне. Большой лист удерживали по углам кубками, камнем и рукоятью кинжала. Кроме седого барона де Ровиля, командовавшего пехотой, здесь находились двое капитанов стрелков, инженер Жиль Ренье и молодой виконт Арно де Виллен, прибывший в лагерь всего четыре дня назад вместе со своей сотней.

Анри снял перчатки и положил их возле карты.

— За ночь у моста появились ещё два орудия, — начал он, сразу переходя к делу. Кончиком пальца принц отметил западный конец переправы. — Баррикаду усилили телегами. Стрелки по-прежнему держат часовню и два дома напротив выхода. Ровиль начнёт на рассвете. Если удастся заставить их снять людей с внутренней стены, введём второй отряд.

Гаспар наклонился над картой и некоторое время молча следил за линией моста.

— Не введём.

Виконт де Виллен повернулся к нему первым. Ренье перестал делать пометки на клочке бумаги, а де Ровиль только устало потёр подбородок: судя по его виду, подобного начала он ожидал.

Анри подпер ладонью край стола.

— Объясняй.

— Если первая рота остановится хотя бы здесь, — Гаспар постучал пальцем по середине моста, — второй отряд упрётся ей в спину. Пушки стоят прямо напротив выхода, в домах стрелки, а улица за баррикадой простреливается с часовни. Ты загоняешь людей в проход, где они даже развернуться толком не смогут.

Де Виллен тихо усмехнулся и поправил манжет.

— Мы третий день ищем дорогу, которой здесь нет. Иногда приходится идти там, где тебя ждут.

Гаспар медленно повернул к нему голову. Молодой виконт за четыре дня успел несколько раз объяснить людям, прошедшим в походах не первый год, как именно следует вести войну.

Сам он до Сен-Реми видел серьёзный бой только издали, но это обстоятельство пока ничуть не мешало уверенности.

— Иногда приходится, — согласился де Марсан. — Но совсем не обязательно строиться в очередь перед пушками, чтобы облегчить противнику работу.

Уголок рта Виллена дёрнулся. Анри, не дав ему ответить, перевёл взгляд на Гаспара.

— Что предлагаешь вместо этого?

Де Марсан провёл пальцем вверх по нарисованной реке и остановился возле маленького значка мельницы.

— Здесь.

Инженер Ренье наконец вмешался:

— Плотины разрушена, а берег после дождей затоплен. Вчера разведчики говорили, что вода там выше пояса.

— Вчера она была мне почти по грудь, — спокойно уточнил Гаспар.

Разговор в палатке оборвался. Анри оторвался от карты, и по выражению его лица стало понятно, что сообщение о глубине реки заинтересовало принца даже больше самой идеи переправы.

— Когда ты успел там побывать?

— Вчера вечером.

— Ты сказал мне, что идёшь посмотреть северную дорогу.

Гаспар слегка пожал плечом.

— Я её посмотрел.

— И заодно полез в реку?

— Она была рядом.

Кто-то из капитанов негромко рассмеялся. Анри задержал на де Марсане взгляд, прекрасно понимая, что дальнейшие расспросы наверняка дадут новые подробности, которых лучше было не знать до окончания кампании.

— Хорошо, — принц подвинул карту к Гаспару. — Показывай.

Де Марсан провёл пальцем вдоль берега до старой мельницы, затем сместился ниже разрушенной плотины.

— Переходить нужно не напротив неё. Там глубже всего. Чуть ниже идёт каменная гряда. Несколько шагов вода поднимается до груди, потом снова падает до пояса. Если Ровиль действительно ударит по мосту и заставит их стянуть людей сюда, тридцать человек смогут перейти реку, выйти вдоль старой виноградной стены и попасть на дорогу за баррикадой.

Седой барон нахмурился, придвинул карту поближе и начал разглядывать местность.

— Если там есть проход, это меняет дело. Но откуда ты знаешь, что мельницу не держит пост?

— Не знаю, — Гаспар выпрямился. — Поэтому и надо проверить.

Виллен скрестил руки на груди.

— Тридцать человек окажутся на другом берегу без возможности быстро отступить. Если гарнизон держит мельницу сильнее, чем ты думаешь, они просто прижмут вас к воде.

— Если гарнизон держит мельницу сильнее, мы не полезем через реку, — отозвался де Марсан, уже начинавший терять терпение. — Именно поэтому разведка обычно происходит раньше атаки, а не после неё.

У виконта на лице появилось то выражение, которое Гаспар слишком хорошо знал по молодым дворянам, привыкшим считать спокойную насмешку более тяжёлым оскорблением, чем прямую ругань.

— Полагаю, вы считаете себя единственным человеком в лагере, способным читать местность?

Пальцы Гаспара сжались на краю стола. На долю секунды он уже видел перед собой не карту, а свободное место за палатками, где подобные вопросы обычно решались значительно быстрее. Пришлось сознательно разжать руку.

— Нет, виконт. Просто я вчера в этой местности был, а вы — нет.

Де Виллен сделал короткое движение к поясу, скорее привычное, чем осознанное. Де Ровиль недовольно выдохнул, но Анри успел раньше.

— Хватит, — принц положил ладонь на карту между ними. Голоса он не повысил, однако оба сразу посмотрели на него. — Мельницу проверим сейчас. Гаспар возьмёт десять человек, двух стрелков и Ренье. Если переправа пригодна, перестраиваем план.

— Я пойду с ними, — произнёс Виллен после короткой паузы.

Де Марсан бросил на него взгляд.

— Зачем?

— Хочу лично увидеть эту чудесную каменную гряду.

— Возьмите ведро. Если чудо не случится, хотя бы воды принесёте.

Ровиль отвернулся, скрывая улыбку. Виконт, напротив, побледнел и снова посмотрел на меч Гаспара. Тот уже пожалел о реплике, но только потому, что Анри теперь наверняка начнёт читать ему нравоучения.

Принц устало провёл пальцами по переносице.

— Виллен идёт с вами. А ты, Марсан, вернёшь мне его целым.

— Почему именно я?

Анри посмотрел ему прямо в глаза.

— Потому что тебя я знаю.

На этот раз рассмеялись уже оба капитана. Даже виконт криво усмехнулся, хотя доброжелательности в его взгляде не прибавилось. Гаспар отошёл от стола и первым выбрался наружу, решив, что ближайший час лучше посвятить реке, пока желание всё-таки вызвать де Виллена на поединок не стало слишком серьёзным.

Лошадей оставили за невысоким холмом примерно в полумиле от мельницы. Дальше шли пешком, держась за кустами и остатками старой каменной ограды. После ночного дождя земля размокла, сапоги вязли в глине, а туман над рекой начал рассеиваться лишь тогда, когда солнце поднялось над деревьями.

Мельница на противоположном берегу давно не работала. Часть крыши обвалилась, колесо лежало набок в мелкой воде, от плотины сохранились только несколько тяжёлых брёвен и неровная линия камней. Гаспар остановил людей за низкой стеной, присел возле дорожки и провёл пальцами по отпечаткам в грязи.

— Здесь были ночью.

Ренье устроился рядом.

— Наши разведчики?

— Нет. Посмотри на подошву.

Инженер наклонился, но де Виллен оказался быстрее.

— Двое?

Гаспар поднял на него глаза. Виконт действительно смотрел на следы, а не на него.

— Двое точно. Возможно, третий шёл по траве. Спустились к воде и вернулись.

— Значит, противник тоже знает о переправе.

— Было бы странно, если бы люди, живущие здесь, знали реку хуже нас.

На том берегу звякнул металл. Один из арбалетчиков сразу опустился на колени, положив оружие на стену. Де Марсан поднял ладонь, удерживая его от выстрела.

Несколько секунд среди деревьев ничего не происходило. Потом возле мельницы появился солдат. Он прошёл к воде, наклонился, набрал что-то в небольшую флягу и вернулся

к строению. Через пару минут показался второй, а чуть позже третий сел возле дерева и положил копьё на землю.

Виллен придвинулся ближе.

— Трое.

— Трое, которых мы видим, — Гаспар не отрывал взгляда от мельницы. — Внутри может быть ещё несколько.

Они наблюдали почти четверть часа. Пост оказался небольшим: двое регулярно выходили наружу, ещё один появился в проломе стены и тут же исчез. Смены караула не было, лошадей тоже.

Ренье тем временем осторожно спустился к воде и длинной веткой проверил дно.

— Здесь глубоко почти сразу. Если вчера ты полез отсюда, неудивительно, что дошло до груди.

— Не отсюда.

Гаспар расстегнул перевязь и передал меч одному из солдат.

Де Виллен посмотрел на него с явным недоверием.

— Что ты собираешься делать?

— Купаться.

— Сейчас?

Де Марсан стянул камзол и бросил поверх оружия.

— Нет, виконт. Я раздеваюсь исключительно для красоты.

Вода ударила холодом уже на втором шаге. Гаспар дошёл до колен, потом до пояса, придерживаясь рукой за длинную палку, которую протянул Ренье. Под сапогами скользили округлые камни, течение толкало сбоку и норовило развернуть его к берегу. Ещё несколько шагов — вода поднялась почти к груди.

— Правее! — негромко подсказал инженер. — Там русло идёт ниже.

— Поэтому мне как раз левее.

Гаспар сместился вниз по течению. Почти сразу вода опустилась до живота, а через два шага снова стала по пояс. Он несколько раз ударил сапогом по дну, проверяя камни.

— Вот она. Гряды идут поперёк.

Де Виллен, стоявший на берегу, смотрел уже без прежней усмешки.

— До той стороны дойдёшь?

— Если хочешь проверить — раздевайся.

— Я доверяю твоему мнению.

— Как быстро мы растём.

Гаспар вернулся на берег, дрожа от холода сильнее, чем хотел показать. Пока он пытался выжать рубаху, сверху на плечи лёг чужой плащ. Де Марсан удивлённо обернулся: виконт уже отвернулся к мельнице, словно ничего не произошло.

— Спасибо.

— Не привыкайте, — бросил Виллен через плечо.

— Даже не собирался.

Обратный путь прошёл спокойнее. Когда до лагеря оставалось несколько сотен шагов, Гаспар вернул плащ и задержал виконта за рукав, пропуская остальных вперёд.

— В палатке ты потянулся к оружию, — сказал он негромко.

Де Виллен посмотрел на его руку, затем на лицо.

— Вы тоже.

— Поэтому предлагаю закончить разговор после боя, если желание останется.

Виконт несколько мгновений молчал. Потом в его глазах появилось что-то похожее на уважение, хотя голос остался сухим.

— Если переживём вашу реку.

— Вот теперь разумно.

Анри ждал их над картой. Увидев промокшую рубаху Гаспара, принц сначала посмотрел на него, потом на Ренье.

— Он опять полез в воду?

Инженер развёл руками.

— Я даже не успел возразить, ваше высочество.

— Значит, всё как обычно, — Анри подвинул ближе жаровню. — Рассказывай.

Гаспар протянул руки к углям.

— Проход есть. Каменная гряда начинается примерно в сорока шагах ниже плотины. Самое глубокое место — чуть выше груди, потом мельче. У мельницы пятеро, может шестеро. Серьёзного поста нет.

Анри сразу вернулся к карте.

— Значит, Ровиль начинает на мосту, а ты переходишь после первого сигнала.

— Именно.

— Тридцать человек?

— Тридцать два. Двух стрелков возьму у капитана Берже.

Принц выслушал, задал ещё несколько вопросов о берегах и только после этого окончательно утвердил план. К вечеру всем было ясно, что на рассвете Ровиль начнёт демонстративную атаку, не пытаясь сразу прорваться через баррикаду. Стрелки должны были заставить защитников часовни пригнуться, артиллерия — ударить по воротам, а Гаспар в это время переходил реку и выходил на дорогу с тыла. Резерв оставался у Анри до сигнала.

Последнее условие де Марсан повторил ему ещё раз поздним вечером, когда в палатке уже никого не осталось.

— Ты останешься на этой стороне.

Принц продолжал читать донесение и даже не поднял головы.

— Я слышал.

— Тогда ответь.

Анри аккуратно сложил бумагу.

— Нет.

Гаспар не сразу понял, что тот просто возвращает ему утреннее слово.

— Что значит «нет»?

— Удивительно неприятно звучит, правда?

Де Марсан опёрся ладонями о стол и наклонился ближе.

— Если всё сработает, ты вводишь резерв только после сигнала Ровиля. И сам на мост не лезешь.

Улыбка на лице принца исчезла.

— Люди должны видеть, что я рядом.

— Люди прекрасно знают, где ты.

— Это не одно и то же.

— Зато стрелкам противника тоже будет прекрасно видно, где ты.

Анри поднялся из-за стола. Несмотря на усталость, в нём уже чувствовалось то упрямство, которое Гаспар слишком часто видел перед боем.

— Я не собираюсь командовать из палатки.

— Никто не просит тебя командовать из палатки. Стой у начала моста, у резерва, возле Ровиля — где угодно. Только не лезь в первую линию.

— Постараюсь.

Гаспар посмотрел на него.

— Это не обещание.

— Другого не будет.

Де Марсан выдохнул и выпрямился.

— Однажды я тебя свяжу.

Принц снова взял донесение.

— Ты обещаешь это третий год.

— Я терпеливый человек.

Анри фыркнул.

— Из всех твоих достоинств это можно вычеркнуть первым.

Гаспар вышел из палатки, так и не добившись обещания. На дворе уже темнело, у костров затихали разговоры, люди проверяли оружие перед утром. Он задержался возле своего отряда дольше, чем собирался: проверил верёвки, пересчитал факелы для сигнала, дважды заставил заменить отсыревшие тетивы. Когда наконец лёг, заснуть удалось почти сразу.

На рассвете туман над рекой оказался гуще, чем накануне. Гаспар вошёл в воду первым, держа перевязь с мечом над головой. Каменная гряда была там, где он её запомнил, но ночью вода немного поднялась. В нескольких местах пришлось двигаться почти боком, упираясь сапогами в дно и помогая человеку позади удерживать равновесие.

Один из солдат оступился на середине. Течение подхватило его прежде, чем он успел закричать, однако Гаспар ухватил мужчину за ремень и дёрнул обратно к гряде. Двое остальных подхватили его с другой стороны.

— Медленнее, — процедил де Марсан, когда солдат снова встал на ноги. — Здесь некого обгонять.

До противоположного берега оставалось меньше половины пути, когда со стороны моста донёсся первый пушечный выстрел.

Виллен, шедший неподалёку, поднял голову.

— Рано.

Гаспар тоже посмотрел сквозь туман. Через несколько секунд прогремел второй выстрел, затем третий.

— На четверть часа.

— Может, обнаружили движение?

— Узнаем, если выберемся.

Они поднялись на берег почти одновременно. Один из дозорных у мельницы заметил их сразу и закричал. Арбалетчик Берже выстрелил первым; человек возле двери упал на колени и завалился набок. Остальные бросились внутрь.

Гаспар перехватил меч и повёл людей к строению. Один болт ударил в стену возле его плеча, выбив каменную крошку. Де Марсан прижался к кладке и коротко показал рукой вправо. Виллен понял без слов, обошёл дверь с другой стороны и остановился возле пролома.

Внутри оказался ещё один стрелок и двое с копьями. Пространства для длинного оружия почти не было. Первый противник попытался ударить Гаспара, но наконечник зацепился за низкую балку. Де Марсан отвёл древко, шагнул ближе и ударил мужчину эфесом в лицо. Слева лязгнув клинок Виллена, затем кто-то тяжело рухнул на деревянный пол.

Всё закончилось быстрее, чем успели войти остальные.

— Целы? — Гаспар повернулся к виконту.

Тот провёл пальцами по небольшой царапине на щеке.

— Пока да.

— Отлично. Не придётся объяснять Анри.

— Он действительно приказал вернуть меня целым?

— Слишком хорошо меня знает.

Они вышли за мельницу и поднялись к виноградной стене. Отсюда мост был виден гораздо лучше.

Гаспар сразу понял, что всё пошло не так, как договаривались.

У выхода с моста уже шла настоящая схватка. Горела одна из телег баррикады, возле часовни поднимался дым, а люди Ровиля не изображали наступление — они пытались проваться. По переправе двигалась следующая рота.

— Это не отвлекающая атака, — тихо заметил Виллен, заслонив глаза ладонью.

— Я вижу.

Де Марсан почти без труда представил, что произошло. Первая атака дошла дальше ожидаемого. Кто-то доложил Анри, что противник отходит. Принц увидел возможность закончить дело быстро и решил не ждать.

И, конечно же, сам оказался где-то рядом.

— Двигаемся, — бросил Гаспар и первым пошёл вдоль стены.

Местность сыграла им на руку. Защитники Сен-Реми смотрели на мост, и небольшой отряд у дороги заметил людей де Марсана слишком поздно. Два залпа стрелков заставили противника рассыпаться, после чего Гаспар повёл своих вниз по склону.

Первый солдат встретил его короткой пикой. Де Марсан ушёл с линии удара, зажал древко под локтем и дёрнул на себя. Противник потерял равновесие, и следующего движения оказалось достаточно. Справа Виллен сцепился с человеком в кожаном доспехе; кто-то крикнул, пытаясь собрать защитников возле ворот, но строй уже разваливался.

Через несколько минут дорога за баррикадой была открыта.

— Сигнал! — Гаспар обернулся к стрелкам.

Над стеной подняли зелёный флажок. Ответа не последовало.

— Ещё раз.

Флажок снова показался над виноградником. На этот раз среди дыма у моста мелькнула красная ткань.

Де Марсан выругался.

Красный означал, что резерв уже вошёл в бой.

— Что случилось? — Виллен подошёл ближе.

Гаспар указал на мост.

— Наше высочество решило, что правила придуманы для других.

Он побежал вниз по дороге.

У первой баррикады всё смешалось. Одна телега горела, дым стелился вдоль домов, люди Ровиля уже заняли ближайшие окна, но с часовни всё ещё стреляли. Гаспар проталкивался между солдатами, пытаясь одновременно увидеть светлую голову там, где ей совершенно не следовало находиться.

У перевёрнутой повозки он наконец заметил Анри.

Без шлема.

Конечно же без шлема.

Принц стоял рядом с офицером и указывал куда-то в сторону ворот. За грудой досок слева от него поднялся на колено арбалетчик.

Гаспар увидел движение раньше, чем успел подумать.

— Анри!

Принц повернул голову.

Де Марсан врезался в него плечом и сбил за телегу. Болт ударил в дерево почти на уровне груди и задрожал в доске.

Несколько секунд оба лежали в грязи. Анри посмотрел на болт, потом перевёл взгляд на Гаспара.

— Ты мог просто крикнуть «пригнись».

— Я крикнул.

— Ты крикнул моё имя.

— В следующий раз составлю письмо.

В телегу ударил второй болт, и оба одновременно опустились ниже.

— Ты должен был ждать сигнала, — процедил Гаспар, не сводя глаз с улицы.

Анри подобрал меч, который выпустил при падении.

— Ровиль прорвал первую линию. Они начали отходить.

— Поэтому ты решил помочь им отойти быстрее, встав перед арбалетом?

— Мы взяли баррикаду.

— Я вижу.

Принц повернулся к нему, в серо-голубых глазах уже появлялся знакомый азарт.

— Значит, решение было правильным.

Гаспар медленно посмотрел на него.

— Если мы переживём следующие пять минут, я тебя ударю.

— После боя.

— Обязательно.

Ответить Анри не успел. Из дыма справа появились трое противников. Один нёс тяжёлую алебарду и сразу пошёл на ближайших людей. Принц поднялся первым, Гаспар выскочил следом.

Лезвие алебарды прошло рядом с лицом де Марсана. Он отбил древко, но второй удар пришёлся по больному плечу, и на мгновение рука онемела. Анри оказался сбоку раньше противника и ударил его по незащищённому боку.

— Это считается? — спросил принц, переводя дыхание.

Гаспар пошевелил плечом, проверяя, слушается ли рука.

— Что?

— Я только что спас тебе жизнь.

— Нет.

— Почему?

— Потому что ты причина, по которой я вообще сюда пришёл.

Анри рассмеялся, хотя вокруг продолжалась драка.

Через час Сен-Реми был взят.

К вечеру дождь вернулся. На этот раз никто особенно не обращал на него внимания. В лагере развели десятки костров, возле лекарственных палаток сидели раненые, солдаты делили хлеб, сыр и найденное в городе вино. Кто-то уже рассказывал историю о стрелке, упавшем с крыши прямо на офицера противника. Гаспар слышал эту историю третий раз, и с каждым повторением крыша становилась выше, офицер — знатнее, а сам стрелок — трезвее.

Де Марсан сидел возле небольшого костра в одной рубахе. Камзол сушился неподалёку, сапоги он снял и поставил ближе к теплу, а на коленях лежал порванный ремень от ножен. Он как раз пытался продеть новую полоску кожи через пряжку, когда рядом с его ногой появилась бутылка.

— Если это лекарь, меня нет, — не поднимая головы, предупредил Гаспар.

— Я красивее.

— Тогда точно не лекарь.

Анри опустился на перевёрнутый ящик напротив. Переодеться он уже успел, но остальное привести в порядок не смог или не захотел: светлые волосы всё ещё были влажными, на щеке оставалась тонкая красная царапина, а рукав новой рубахи уже успел испачкаться.

Гаспар посмотрел за его спину.

— Где охрана?

— Ест.

— Вся?

— Не знаю. Я не считал.

Де Марсан отложил ремень.

— Тебя в детстве роняли?

Анри задумчиво почесал нос.

— Насколько мне известно, нет.

— Значит, это врождённое.

Принц вытащил пробку зубами и протянул бутылку. Гаспар сделал несколько глотков, вернул её и снова принялся за ремень.

Некоторое время они слушали шум лагеря. Люди вокруг разговаривали громче обычного — не столько из-за вина, сколько потому, что после боя всегда хотелось убедиться, что рядом есть другие живые люди.

— Ровиль говорит, твоя переправа решила дело, — произнёс Анри, глядя в огонь.

— Ровиль любит преувеличивать после третьей кружки.

— Он выпил одну.

Гаспар потянул ремень, проверяя шов.

— Тогда после второй станет ещё благодарнее.

Анри усмехнулся, потом полез под плащ и положил между ними небольшой кожаный мешочек.

Де Марсан покосился на него.

— Что это?

— Деньги.

— Это я понял. По голове меня сегодня били, но не настолько сильно.

— Двести экю.

Ремень в руках Гаспара остановился. Он взял мешочек, взвесил на ладони и вопросительно посмотрел на принца.

— За что?

Анри чуть нахмурился, словно ответ казался очевидным.

— За сегодняшний день.

— Сегодняшний день стоит дешевле.

— Для меня — нет.

Гаспар развязал шнур, достал несколько монет, пересчитал и положил рядом с сапогами. Остальное вернул.

— Эти возьму.

Анри не притронулся к мешку.

— Почему только семь?

— Новые сапоги. Ещё Жаку должен два экю, и Огюстен обещал послать семье деньги, если с ним что-нибудь случится.

Огюстен погиб утром у баррикады. Анри понял это без дополнительных объяснений и на несколько мгновений отвёл глаза к костру.

— Остальное всё равно твоё.

Гаспар затянул мешочек и подвинул его обратно.

— Нет.

— Это награда, а не жалованье.

— За переправу?

— За всё, — принц взял мешок, но тут же снова положил его возле ноги Гаспара. — В том числе за то, что ты сегодня два раза вытащил меня оттуда, откуда я сам выбраться мог уже не успеть.

Де Марсан нахмурился.

— Один.

— Два.

— Второй не считается. Ты сам туда полез.

- Какая удобная система подсчёта.
- Мне нравится.
- Анри перестал улыбаться.
- Гаспар, я не пытаюсь тебя купить.
- Знаю.
- Тогда в чём дело?

Де Марсан некоторое время смотрел на огонь. Можно было отделаться очередной насмешкой, но Анри всё равно не отступил бы, а объяснять то же самое через пять минут не хотелось.

— Сегодня ты называешь это наградой, — наконец произнёс он, положив локти на колени. — Через год кто-нибудь скажет, что ты купил себе верного человека. Через десять — что я таскался за тобой из-за денег. Мне обычно плевать, что говорят, но я не хочу однажды вспоминать, сколько именно стоил тот день, когда я вытащил тебя из-под арбалета.

- Принц повертел мешочек в пальцах.
- Тебе действительно есть дело до чужих разговоров?
- Не до разговоров. До того, чтобы между нами не было суммы, которую можно назвать.
- Анри посмотрел на него внимательнее.
- Это довольно оскорбительный способ отказаться от награды.
- Купи мне сапоги.
- Ты уже украл на них семь эку.
- Не украл, а согласился принять.
- Какая тонкая разница.
- Поэтому ты и принц, а я занимаюсь сложными вопросами.

Несколько секунд Анри пытался сохранить серьёзное лицо, но в конце концов рассмеялся и убрал мешок под плащ.

- Когда-нибудь пожалеешь.
- Возможно.
- Я могу стать королём.
- Гаспар посмотрел на него поверх ремня.
- Это угроза?
- Предупреждение.
- Тогда для начала научись не вставать перед заряженным арбалетом.
- Принц отпил вина и протянул бутылку обратно.
- Если всё-таки стану королём, ты тоже будешь разговаривать со мной вот так?

На этот раз Гаспар ответил не сразу. За плечом Анри проходили солдаты с дровами, возле соседнего костра перевязывали раненому руку, вдали кто-то громко спорил о том, кому достанется найденное седло. Разговор о короне среди мокрых палаток звучал почти нелепо.

— Если ты станешь королём, вокруг тебя и без меня будет достаточно людей, готовых соглашаться со всем, что ты скажешь, — де Марсан сделал глоток и вернул бутылку. — Так что мне придётся остаться хотя бы для равновесия.

- Анри задумчиво кивнул.
- Значит, ради государственной пользы?
- Нет. Ради удовольствия сообщать тебе, когда план идиотский.
- Сегодня он сработал.
- Гаспар поднял бровь.
- Мой план сработал.
- Моя атака на мост тоже.
- Потому что мы вышли им в тыл.

— А вы вышли им в тыл потому, что они смотрели на мост.

Де Марсан помолчал и недовольно почесал щёку.

— Ненавижу, когда у тебя случайно появляется разумный довод.

— Вот за это тебе и полагались двести экю. За терпение.

— Тогда мало.

Анри снова рассмеялся, а Гаспар наконец добил упрямую пряжку и отложил ножны в сторону.

Уже стемнело, когда мимо костра пронесли снятое со стены Сен-Реми знамя. Тёмно-синяя ткань была рассечена почти до середины, нижний край измазан грязью, возле древка осталось большое тёмное пятно. Солдат, державший знамя на плече, заметил Анри и остановился.

— Ваше высочество, куда его отнести? Остальные складывают у обозов.

Принц поднялся.

— Дай сюда.

Гаспар проводил его взглядом, потом покосился на изуродованное полотнище.

— Выброси.

Анри провёл пальцами по длинному разрезу.

— Почему?

— Потому что оно порвано.

— Можно зашить.

— Можно новое сделать.

Принц осторожно расправил мокрую ткань и посмотрел на старый герб.

— Нет. Это оставлю.

Гаспар потянулся за сапогом.

— Зачем тебе рваное знамя?

Анри поставил древко возле ящика и повернулся к нему с хорошо знакомой упрямой улыбкой.

— Когда-нибудь покажу его тебе и докажу, что мой план под Сен-Реми был хорошим.

Де Марсан посмотрел сначала на него, потом на разрезанное полотнище.

— Тогда лучше выброси сейчас. Оно тебя выдаст.

Анри рассмеялся, забрал бутылку и направился к офицерским палаткам, куда его уже звали двое командиров. Гаспар проводил его взглядом, после чего придвинул древко подальше от костра: ветер несколько раз бросил край знамени почти к самому огню. Лишь убедившись, что ткань не загорится, он снова взялся за сапоги.

Глава 5. Чужие деньги.

— Ты опять мысленно объясняешь мне, почему я тогда был неправ? — спросил Анри, когда Гаспар наконец отвёл взгляд от старого знамени Сен-Реми.

Король успел пройти несколько шагов и теперь ждал возле следующего окна. За стеклом западный двор Бельрива почти целиком лежал в тени, только верхушки крыш ещё ловили последние полосы вечернего света. Гаспар задержался у выцветшей синей ткани ещё на мгновение, будто проверяя, не изменился ли за прошедшие годы длинный разрез возле древка, затем догнал Анри.

— Я давно оставил надежду тебе что-нибудь доказать, — отозвался де Марсан, поправляя манжет. — Некоторые заблуждения с возрастом становятся только крепче.

Анри повернулся к нему с тем выражением, которое Гаспар слишком хорошо знал ещё со времён походов, и с едва заметной усмешкой напомнил:

— Мы взяли Сен-Реми.

— Вот видишь, — де Марсан покачал головой. — Даже сейчас ты приводишь это как довод.

Король рассмеялся и уже собирался ответить, но из бокового перехода появился один из секретарей. Он шёл быстро, придерживая под мышкой несколько бумаг, однако, заметив Анри, сразу сбавил шаг и выпрямился.

— Ваше Величество, господин Леклер просил передать, что получил первые сведения о делах графа де Монревеля, — сообщил он после поклона. — Он ждёт в малом кабинете.

Упоминание Монревеля окончательно вернуло Гаспара из Сен-Реми в Бельрив. Утром Матье обещал проверить, действительно ли граф недавно расплатился с кредиторами и откуда у него могли взяться деньги. За несколько часов даже Леклер едва ли успел собрать что-нибудь серьёзное.

— Давно ждёт? — спросил Анри, уже разворачиваясь к лестнице.

Секретарь чуть отступил, освобождая ему дорогу.

— Не больше четверти часа, государь.

Король коротко кивнул и взглядом позвал Гаспара за собой.

— Идём.

Де Марсан недовольно посмотрел в сторону жилых покоев.

— Я собирался ужинать.

— После, — бросил Анри через плечо.

Гаспар догнал его и с подозрением покосился на друга.

— Каждый раз, когда ты говоришь «после», Морне где-нибудь открывает новую папку.

Секретарь, всё ещё стоявший неподалёку, поспешно опустил глаза к бумагам. Анри только усмехнулся и продолжил путь.

В малом кабинете Леклер ждал их один. Возле подсвечника лежала единственная сложенная записка, исписанная быстрым мелким почерком. Никаких долговых книг, нотариальных актов и тем более готового досье на Монревеля перед ним не было.

Матье поднялся при появлении короля и, когда дверь закрылась, придвинул записку ближе.

— Пока немного, — предупредил он. — Мой человек успел поговорить с одним из кредиторов Монревеля. Около шести недель назад граф погасил старый долг — примерно две тысячи эю. Деньги передали через контору, которая регулярно работает с Бонне.

Гаспар снял колпак и остался стоять возле свободного кресла, рассеянно перебирая пальцами один из бубенцов.

— Передали от кого?

— Этого пока не знаем, — ответил Леклер. — Кредитор получил всё, что ему причиталось, и происхождением денег, по его словам, не интересовался.

Де Марсан меланхолично кивнул.

— Разумный человек. Когда тебе приносят две тысячи экю, вопросы действительно начинают мешать.

Матье оставил замечание без ответа. Анри тем временем взял записку, быстро прочёл несколько строк и вернул её на стол.

— Остальные долги?

— Проверяются. Если Монревель расплачивался с ними примерно в то же время, завтра станет понятнее, — объяснил капитан, проведя пальцем по краю бумаги. — Пока можно утверждать только одно: деньги у графа действительно появились. Не слухи о дорогом камзоле, а настоящий платёж.

Гаспар перестал теребить бубенец.

— Или кто-то заплатил за него.

— Возможно, — согласился Матье. — А возможно, он продал землю, драгоценности, виноградник или удачно сыграл в карты. Ты заинтересовался им вчера вечером, Марсан. Прошло меньше суток.

Последнюю фразу Леклер произнёс с таким нажимом, что Гаспар понимающе приподнял брови.

— То есть ты ещё не раскрыл всю его жизнь.

— Моим людям иногда приходится ходить от дома к дому ногами.

— У тайной службы, оказывается, есть недостатки.

Анри хмыкнул и опёрся ладонью о спинку кресла.

— Никаких прямых вопросов Монревелю, — распорядился он. — И Бонне пока не трогать. Если граф просто нашёл способ выбраться из долгов, меня это не касается.

— А если деньги не просто его? — Гаспар повернулся к королю.

Анри встретил его взгляд спокойно.

— Тогда узнаем.

В Бельриве хватало людей, способных утром жаловаться на бедность, а вечером проиграть стоимость небольшой усадьбы за карточным столом. Несколько странных взглядов, имя Бонне и внезапная щедрость Монревеля могли означать всё что угодно — от опасной сделки до тщательно скрываемой любовницы.

Леклер развернул записку ещё раз.

— К утру проверю второго кредитора. Один из моих людей ищет нотариуса, которым пользовался управляющий Монревеля. Если граф что-то продавал или закладывал, какой-нибудь след останется.

Гаспар наклонился к столу.

— А если сделка не проходила через обычные книги?

Матье пожал плечом.

— Тогда потребуется больше времени.

Де Марсан надел колпак и поправил его так, чтобы длинный конец не падал на лицо.

— Значит, до завтра мне делать нечего.

Леклер сразу посмотрел на него с подозрением.

— Попробуй. Для разнообразия.

— Великолепная мысль, — с готовностью согласился Гаспар.

Матье нахмурился ещё сильнее.

— Это не разрешение идти к нотариусу.

Де Марсан уже взялся за дверную ручку, но остановился и оглянулся.

— Странно. Я вообще не помню, чтобы ты произносил слово «нотариус».

Анри перевёл взгляд с одного на другого и устало покачал головой.

— Если полезешь куда-нибудь, Гаспар, хотя бы сделай это тихо.

— Я всегда тихий.

Король посмотрел на бубенцы.

— Именно поэтому половина дворца заранее знает, в какой коридор ты вошёл.

Гаспар слегка встряхнул головой, и колпак ответил коротким звоном.

— Это не шум. Это предупреждение.

За дверью стояли двое гвардейцев, чуть дальше по коридору шли служанки королевы. Одна несла корзину с вышивкой, другая — небольшую деревянную шкатулку. Грело поклонился им настолько низко, что один из бубенцов едва не коснулся каменного пола.

— Передайте госпоже Анне, что король снова пытается уморить меня государственными делами.

Старшая девушка улыбнулась и удобнее перехватила корзину.

— Её Величество сейчас в малой гостиной.

— Тем лучше. Пожалуюсь лично.

Служанка удивлённо моргнула.

— Но вы же только что просили передать.

Грело задумался, будто вопрос действительно требовал серьёзного размышления.

— За последние три шага положение резко ухудшилось.

Обе девушки рассмеялись и пошли дальше. Шут проводил их взглядом, затем свернул к северной галерее. До ужина можно было потерпеть. Если половина двора знала, что Монревель недавно распродал лошадей, наверняка найдётся кто-нибудь, кто слышал и о причинах его внезапного благополучия. Главное — не спрашивать об этом слишком прямо.

У Анны в этот час собирались дамы, не занятые на официальных приёмах. В малой гостиной горели свечи, на столике возле окна стояли фрукты, орехи и несколько кувшинов. Сама королева сидела в широком кресле с раскрытой книгой на коленях, хотя разговоры вокруг уже давно не давали ей читать. Две женщины спорили о новой постановке придворного театра, ещё несколько обсуждали наряды к приезду германского посланника.

Анна заметила Грело первой.

— Я думала, Анри забрал тебя с собой, — сказала она, придерживая пальцем страницу.

— Пытался. Мне удалось бежать.

Королева окинула его взглядом.

— Какая потеря для государственного порядка.

— Я тоже пытался ему это объяснить, государыня.

Грело направился к столу и уже протянул руку к кувшину, когда рядом раздался спокойный женский голос:

— Лучше возьмите другой. Этот вы вчера уже пытались оставить на подоконнике вместе с полным кубком.

Он повернулся и увидел Луизу де Шамон. Они встречались при дворе десятки раз, обменивались репликами, иногда оказывались за одним карточным столом, но до сих пор у Гаспара не было причин присматриваться к ней особенно внимательно. Каштановые волосы Луиза собирала высоко и просто, без тяжёлых украшений, которыми некоторые придворные дамы превращали собственные головы в подставки для драгоценностей. Тёмно-синее платье было сшито дорого, но не кричало о цене каждым швом.

— Вы следите за моими кубками, госпожа де Шамон? — спросил Грело, всё-таки наливая себе вина.

Луиза спокойно поправила лежавшие на столике нотные листы.

— Нет. Просто вчера один из пажей едва не опрокинул ваш кубок мне на платье.

Шут поднял сосуд и придирчиво посмотрел сквозь него на свечу.

— Значит, я невольно подарил вам приключение.

Де Шамон перевела на него взгляд поверх нот.

— Если это приключение, слухи о вашей жизни сильно преувеличены.

Анна улыбнулась, но от книги не оторвалась.

— Осторожнее, Луиза. Он способен помнить обиду до самого ужина.

— Иногда до завтрака, — с достоинством уточнил Грело и сделал небольшой глоток.

Луиза выдержала его взгляд, потом едва заметно улыбнулась.

— Переживу.

Это Грело понравилось. Он остался возле дам, не пытаясь сразу направлять разговор куда-либо. За следующую четверть часа успел сообщить, что единственная достойная придворная трагедия должна быть посвящена сборщикам налогов, потому что более страшных чудовищ театр всё равно не покажет, получил от Анны яблоком в плечо и проиграл молодой графине один экю.

Когда разговор сам собой перешёл к портным и цене привезённого из Италии бархата, подходящий момент наконец появился.

Грело придирчиво осмотрел собственный рукав.

— Кстати, кто-нибудь знает, у кого Монревель заказывает новые камзолы? — спросил он так, словно вопрос пришёл ему в голову только сейчас. — Вчера он явился в таком бархате, что я впервые всерьёз задумался о честном труде.

Несколько женщин засмеялись. Молодая дама у камина сразу назвала Феррана с площади Сен-Мартен, но её соседка тут же возразила, что последний камзол графа был итальянским.

Грело попробовал вино и недоверчиво покачал головой.

— Итальянец потребовал бы деньги заранее. У иностранцев совершенно нет доверия к французской знати.

Полная дама возле окна отложила вышивку.

— После старых счетов Монревеля Ферран тоже требует заранее.

Грело изобразил искреннее удивление.

— Вот как? А вчера граф выглядел так, будто способен купить вместе с камзолом самого Феррана и ещё заставить его сказать спасибо.

— Говорят, он продал землю, — донеслось от дальнего кресла.

Произнесла это совсем молодая девушка, до сих пор почти не участвовавшая в разговоре. Её соседка тут же повернулась к ней.

— Не землю. Доход с неё.

— А я слышала, что именно землю, — неуверенно возразила девушка.

Третья женщина отложила веер и вмешалась:

— Он не мог её продать. Она принадлежала покойной графине.

Грело медленно сделал ещё один глоток и не спросил ничего. Теперь лучше было молчать.

Через несколько минут женщины уже спорили, какое именно имущество могла затронуть сделка Монревеля. Кто-то называл Сен-Валь, кто-то два небольших владения под Орлеаном. Одна из дам была уверена, что после смерти графини земля должна была перейти её племяннику; другая утверждала, что Монревель продолжал получать с неё доход, пока наследственный спор не решён окончательно.

Анна слушала их некоторое время, затем закрыла книгу.

— Ещё пять минут, и вы разделите состояние покойной графини лучше любого суда.

Грело взял со стола орех и, раскалывая скорлупу, невозмутимо заметил:

— Зато бесплатно.

Королева посмотрела на него поверх книги.

— В этом я как раз сомневаюсь.

Разговор сменил направление, и Гаспар не пытался возвращать его к Монревелю. Он уже получил достаточно, чтобы утром знать, с чего начать.

Когда остальные снова заговорили о театре, рядом негромко произнесла Луиза:

— Вчера вас интересовали его лошади.

Грело повернулся к ней не сразу. Де Шамон стояла у небольшого столика и неспешно наливала воду в кубок, словно замечание пришло ей в голову случайно.

— Чьи лошади? — переспросил он, берясь за вино.

Луиза бросила на него короткий взгляд поверх кувшина.

— Монревеля. Две гнедые, которых он продал весной. Вчера вы зачем-то расспрашивали о них, а сегодня уже выясняете, кто шьёт графу камзолы.

Грело сделал глоток, выигрывая несколько секунд. Вокруг продолжался прежний шум, никто из женщин к их разговору не прислушивался. Луиза тоже говорила негромко, и именно это спокойствие заставило Гаспара посмотреть на неё внимательнее.

— У меня много увлечений, госпожа де Шамон, — ответил он, лениво покручивая кубок за ножку. — Лошади, хорошая одежда, чужие состояния. Иногда женщины.

— Последнее я бы поставила первым, — заметила она, возвращая кувшин на стол. — Но странно другое: обычно ваши увлечения не переживают одного вечера.

Теперь он улыбнулся уже искренне.

— Вы следите за мной?

Луиза поднесла кубок к губам, но пить не стала.

— Не настолько скучаю.

Грело чуть наклонил голову.

— Тогда остаётся ревность.

— К графу Монревелю? — переспросила де Шамон с таким неподдельным удивлением, что он едва не рассмеялся.

— Ко мне, разумеется.

Луиза наконец сделала глоток и, опуская кубок, посмотрела на него с лёгкой насмешкой.

— Вы слишком высокого мнения о себе.

— На чужое полагаться опасно, — невозмутимо ответил Грело.

На этот раз улыбку де Шамон скрывать не стала. Она аккуратно поправила нотные листы и уже повернулась к остальным дамам, но напоследок бросила:

— Если ваш интерес к Монревелю всё-таки ограничивается одеждой, к Феррану не ходите. У него ужасные рукава.

Грело проводил её взглядом. Ответить можно было ещё десятком острот, но в этот раз он предпочёл оставить последнее слово за ней.

Он провёл в гостиной ещё около четверти часа, успел проиграть Анне две партии в кости и во второй был пойман королевой на попытке незаметно подтолкнуть кубик ногтем.

Анна накрыла его руку своей.

— Грело, ты только что пытался обмануть королеву.

Шут посмотрел сначала на её пальцы, затем на выпавшие кости.

— Я пытался помочь судьбе принять правильное решение.

— Судьба справилась без тебя, — сухо ответила Анна и забрала выигранные монеты.

Грело тяжело вздохнул.

— Вот поэтому я ей и не доверяю.

Когда разговор окончательно перешёл к музыке, он простился и ушёл.

На лестнице колпак продолжал тихо звенеть при каждом шаге, но мысли Гаспара уже занимал не Монревель.

Луиза явно не знала, чем он занимается. Если бы знала, говорила бы иначе — или вообще промолчала. Но она заметила последовательность вопросов, которую остальные даже не сочли вопросами, и не стала демонстрировать своё наблюдение всей комнате. При дворе внимательных людей хватало; куда реже встречались те, кто умел не сообщать окружающим, насколько внимательно смотрит.

Это стоило запомнить.

На следующее утро Гаспар покинул Бельрив без зелёно-чёрного камзола и бубенцов. Он надел простой тёмный плащ, старые сапоги и неброскую шляпу, убрал тёмные волосы назад и не стал бриться. За пределами дворца Грело знали хуже, чем предполагала большая часть придворных, а без привычной одежды в нём видели скорее худощавого дворянина лет тридцати с лишним, чем человека, ещё вчера сидевшего на ступенях королевского трона с виноградом в руках.

К самому мэтру Ландри он идти не собирался. Нотариус мог оказаться осторожным, а визит знакомого человека короля к его бумагам слишком легко превращался в слух.

Старший писец нотариуса был устроен проще.

Звали его Симон Бере. По утрам он завтракал в «Трёх голубях», трактире в двух улицах от конторы, и, как выяснилось после короткого разговора с хозяином, имел неприятную привычку задерживаться за картами. Четыре медные монеты помогли уточнить, что сегодня эта привычка, скорее всего, проявится снова.

Симон появился, когда зал уже начал заполняться ремесленниками и приказчиками. Невысокий мужчина около сорока лет заказал хлеб, сыр и кувшин разбавленного вина, а спустя несколько минут с явным интересом посмотрел на карточную партию за соседним столом.

Через полчаса он уже играл с Гаспаром.

— Вчера ты говорил, что играешь плохо, — недовольно заметил Симон после третьей сдачи. Писец долго изучал карты, будто рассчитывал найти среди них доказательство обмана.

Гаспар лениво подбросил монету на ладони.

— Я быстро учусь.

Симон подозрительно сощурился.

— Ты врёшь.

— Это тоже помогает, — признался де Марсан.

Писец рассмеялся и поставил ещё одну монету.

Гаспар не торопился. Следующие две партии ушли на рассказ о младшем брате Симона, которому родители не разрешали жениться на дочери мясника. Потом обсудили цены на вино, отвратительную погоду и новые городские пошлыны. Лишь когда писец сам пожаловался, что теперь даже земля стоит непонятно сколько, де Марсан между делом упомянул Орлеан.

— У родственника там виноградник, — сказал он, раскладывая карты веером. — Думает продавать. А я слышал, Монревель недавно избавился от двух имений почти за бесценок.

Рука писца на мгновение задержалась над столом.

— Люди много чего слышат, — пробормотал Симон, выбирая карту.

— Потому и ходят в трактир. Есть кому пересказать, — Гаспар лениво перебрал свои карты и выложил одну перед собой.

Симон положил даму, явно рассчитывая забрать взятку. Де Марсан без спешки накрыл её королём и сгреб монеты к себе.

— Монревель ничего не продавал, — всё-таки заметил писец, следя за его руками.

Гаспар поднял на него глаза и изобразил лёгкое разочарование.

— Значит, опять поверил женщине. Печальная привычка.

Симон хмыкнул, сделал большой глоток вина и вытер губы тыльной стороной ладони. Возможность знать больше собеседника явно доставляла ему удовольствие.

— Продать он и не мог. Земля от жены.

— Тогда откуда разговоры? — де Марсан снова занялся картами, будто спрашивал скорее из праздного любопытства.

Писец помедлил, выбирая следующую карту.

— Заложил доход.

Гаспар чуть приподнял бровь, но руки не остановил.

— Доход с чужой земли?

— Не совсем чужой, — Симон покачал головой и подвинул ближе кубок. — Пока суд тянется, часть сборов идёт графу. Вот их он и отдал вперёд на несколько лет.

— Кому? — спросил Гаспар, переворачивая верхнюю карту.

Симон уже открыл рот, но вдруг задержался. Несколько секунд он внимательно смотрел через стол, будто только сейчас заметил, что незнакомцу слишком уж интересно чужое наследство.

— Ты много спрашиваешь.

Де Марсан откинулся на спинку стула и кончиком пальца указал на кучку монет между ними.

— Я проиграл тебе пять экю. Должен же получить за них хоть что-нибудь полезное.

— Четыре, — машинально поправил писец.

Гаспар усмехнулся.

— Видишь? Ещё и обсчитываешь.

Симон фыркнул и наконец расслабился. Подозрение, мелькнувшее в его взгляде, исчезло почти так же быстро, как появилось.

— Купцам каким-то, — ответил он, перебирая карты. — Через посредника. Я бумаги не составлял, только переписывал часть актов.

— Каким купцам? — де Марсан словно между делом положил ещё одну карту.

Писец пожал плечами и потянулся к вину.

— Не помню.

На этот раз Гаспар не стал переспрашивать. По тону было непонятно, действительно ли Симон забыл название или просто решил, что на сегодня сказал достаточно, а давить сейчас значило испортить всё, чего де Марсан добился за несколько партий.

Он сыграл ещё две, одну намеренно проиграл, расплатился за завтрак и вышел раньше писца. Теперь у него появилось направление, а не ответ: Монревель мог получить деньги не в долг, а заранее за несколько лет будущих доходов.

До Бельрива де Марсан добрался к полудню. Переоделся, снова надел колпак и спустя час появился в городских конюшнях Монревеля уже как Грело. Здесь его знали достаточно хорошо, чтобы никто не удивился ни визиту, ни бессмысленным вопросам.

Старший конюх как раз чистил серую кобылу. Увидев гостя, он недовольно нахмурился.

— Если опять пришёл рассказывать моим людям, как надо седлать лошадей, уходи.

Грело остановился возле стойла и с видом знатока осмотрел животное.

— Сегодня всё серьезнее. Я пришёл покупать коня.

Старик смерил его взглядом от сапог до колпака и хмыкнул.

— У тебя нет денег.

— Зато есть связи при дворе.

— Это хуже.

Молодые конюхи неподалёку рассмеялись. Грело присел на перевёрнутое ведро и некоторое время разглядывал лошадей, не спеша переходить к нужной теме.

— А где две гнедые, которые здесь весной стояли? — спросил он наконец, указав на пустое стойло. — У одной ещё пятно на лбу было.

Щётка в руках старика не остановилась.

— Продали.

Грело слегка раскачался на ведре.

— Кому?

— Купцу из Руана, — нехотя ответил конюх.

— Давно?

Теперь старик всё-таки покосился на него.

— В мае. А тебе какое дело?

Шут пожал плечами.

— Хотел одну выпросить у графа.

— В мае? — переспросил конюх с явным недоверием.

Грело задумчиво почесал подбородок.

— В мае я ещё рассчитывал разбогатеть честным путём.

Старик фыркнул и продолжил работу.

— Вместе с ними ещё двух жеребцов продали. Господину нужны были деньги.

— Значит, всё было совсем плохо, — протянул Грело.

— Не наше дело, — буркнул конюх, проводя щёткой по боку кобылы.

Шут некоторое время молчал, наблюдая за его работой, затем будто между прочим заметил:

— А потом, выходит, дела поправились.

На этот раз рука старика задержалась.

— Потом жалованье выплатили.

Грело повернул к нему голову.

— Сразу?

— Почти, — ответил тот уже настороженнее.

Шут поднялся с ведра и подошёл к соседнему стойлу, словно разговор начал ему надо-едасть.

— Через Бонне?

Старший конюх выпрямился и посмотрел на него прямо.

— Откуда мне знать, через кого? Деньги управляющий принёс. Не сам же Бонне ходил сюда с мешками.

Грело облокотился на перегородку и улыбнулся.

— Жаль. Я бы заплатил, чтобы увидеть.

— Если коня не покупаешь, не мешай работать, — проворчал старик.

— Передумал. Решил сохранить деньги на старость.

Конюх снова взялся за щётку.

— Тогда начинай сегодня.

Грело поклонился ему с подчёркнутым уважением.

— Наконец-то при дворе нашёлся человек, который думает о моём будущем.

Когда он вернулся во дворец, у Леклера уже появился второй кусок. Ещё один старый долг Монревеля был погашен примерно в тот же период, что и первый. Позже нашёлся нотариальный след сделки с правами на доход от двух владений. Информация приходила постепенно, и окончательно они встретились только вечером, когда люди Матье успели свести полученное из нескольких мест.

Комната над оружейной была небольшой и почти пустой: стол, два стула, кувшин воды и пара свечей. Здесь Леклер разговаривал с теми, кого нежелательно было видеть в его основном кабинете. На столе теперь действительно лежало несколько выписок, собранных за день, но никакой отдельной папки с именем Монревеля не существовало.

Гаспар снял колпак и положил его на край стола.

— Ну?

Матье подвинул к нему один из листов.

— Теперь картина складывается. Два владения под Орлеаном. Формально они входили в приданое покойной графини. Семья оспаривает часть прав, но до решения суда Монревель продолжает получать сборы.

Гаспар взял выписку и быстро пробежал глазами верхние строки.

— На сколько лет отдал доход?

— Шесть, — ответил Леклер, указывая пальцем нужное место.

Де Марсан нашёл цифру и тихо присвистнул.

— Ради восьми тысяч?

— Чуть меньше. Точная сумма расходится в разных записях, но порядок такой.

Гаспар постучал пальцем по бумаге.

— За шесть лет он отдаст почти вдвое больше.

— Срочные деньги всегда дорогие, — заметил Матье.

Де Марсан усмехнулся и вернул лист.

— Симон сказал почти то же самое.

Леклер сразу поднял голову.

— Симон Бере?

— Ты его знаешь? — Гаспар удивлённо посмотрел на него.

— Мои люди собирались говорить с ним завтра, — пояснил капитан.

Де Марсан позволил себе довольную улыбку и подвинул выписку обратно к Матье.

— Теперь не надо. Я сэкономил короне время.

Леклер несколько мгновений изучал его лицо, словно уже догадывался, каким именно способом была достигнута эта экономия.

— Ты напоил нотариального писца?

— Мы играли в карты, — поправил Гаспар и невинно развёл руками.

— Сколько он проиграл?

Де Марсан помедлил, будто всерьёз оценивал государственную важность вопроса.

— Это не относится к безопасности короны.

Матье тяжело вздохнул, собрал выписку и решил больше не спрашивать.

— Платёж провела компания «Ревер и сыновья», — продолжил он уже деловым тоном.
— Орлеанские купцы. Они держат деньги у Бонне и давно работают через его контору. Сам Бонне был посредником и получил процент со сделки.

Гаспар снова взял лист, на этот раз скорее по привычке, чем из необходимости.

— И никаких иностранцев? — спросил он, пробегая глазами фамилии.

— Пока нет.

Де Марсан перевернул страницу.

— Людей при дворе не покупал?

— Ничего похожего не нашли, — ответил Леклер и, заметив, что Гаспар уже собирается задать следующий вопрос, добавил: — И прежде чем ты спросишь: никаких больших закупок оружия тоже нет.

Гаспар оторвался от бумаги.

— Совсем?

— Четыре охотничьих ружья, — Матье всё-таки усмехнулся. — Если тебе от этого станет спокойнее.

Де Марсан удовлетворённо кивнул.

— Вот видишь. Уже почти армия.

Леклер собрал выписки в одну стопку.

— Монревель получил деньги, закрыл часть долгов, выплатил жалованье слугам и оставил себе достаточно, чтобы снова выглядеть человеком, у которого нет проблем.

Гаспар прислонился бедром к столу и задумчиво потёр подбородок.

— А дёрнулся при имени Бонне потому, что не хочет, чтобы семья жены узнала о сделке.
— Похоже на то, — согласился Матье.

Несколько мгновений де Марсан смотрел на пламя свечи. За два дня из странной реакции графа выросла вполне земная история о долгах, наследстве и желании сохранить лицо.

— Значит, зря полезли, — проговорил он наконец.

Леклер покачал головой.

— Нет. Теперь мы знаем, откуда у него деньги.

— И почему он испугался имени Бонне.

— Именно.

Гаспар немного помолчал, затем развёл руками.

— И больше ничего.

Матье пожал плечом.

— Иногда это и есть результат.

Де Марсан повернул к нему голову.

— Осторожнее. Начнёшь говорить разумные вещи — испортишь себе репутацию.

Капитан не улыбнулся, но в уголке рта появилась едва заметная складка.

— Ты разочарован?

Гаспар нахмурился.

— Чем?

— Что не нашёл измену.

На этот раз де Марсан ответил уже без насмешки:

— Если я начну огорчаться каждый раз, когда выясняется, что очередной человек не собирается убивать Анри, мне самому понадобится лекарь.

Леклер собрал бумаги и поднялся.

— Тогда идём к королю.

Анри они нашли в библиотеке. Он сидел за столом с раскрытым письмом, а рядом остывал почти нетронутый ужин. Гаспар заметил тарелку раньше документов.

— Вот куда исчезла моя еда, — с укором сообщил он, остановившись у стола.

Король поднял глаза.

— Она была моей ещё до твоего появления.

— Спорное утверждение.

Анри отложил письмо и указал на кресло.

— Садись и рассказывай про Монревеля.

Гаспар всё-таки успел стащить кусок холодного мяса, прежде чем сел. Леклер изложил найденное без лишних подробностей; затем де Марсан добавил сведения от писца и конюха. Анри слушал внимательно, несколько раз возвращался к датам и лишь после этого сложил руки на столе.

— Значит, около шести недель назад Монревель получил деньги вперёд за будущие доходы с двух владений, — подытожил король. — Расплатился с кредиторами, выплатил слугам жалованье и снова начал одеваться так, будто состояние никуда не исчезало.

Гаспар дожевывал мясо и вытер пальцы салфеткой, которую без спроса взял возле тарелки.

— И купил четыре ружья. Не забывай. Человек готовится к разорению обстоятельно.

Анри повернулся к Леклеру.

— Что-нибудь ещё?

Матье качнул головой.

— Можно добраться до точных условий договора, но причин продолжать я не вижу. Ни иностранных денег, ни людей при дворе, ни военных закупок.

Король несколько раз постучал пальцами по столешнице, затем принял решение.

— Тогда заканчиваем. Если родственники покойной графини захотят перегрызть Монревелю горло из-за наследства, пусть делают это через суд.

Леклер уже собирал бумаги, когда Гаспар задумчиво произнёс:

— А Бонне?

Анри ответил первым:

— Что Бонне?

Де Марсан отложил салфетку.

— Он опять рядом.

— Потому что он финансист, — спокойно сказал король.

Гаспар покрутил пустой кубок между пальцами.

— Очень удобная профессия. Что бы ни происходило с чужими деньгами, всегда можно сказать, что человек просто работает.

Анри посмотрел на друга внимательнее.

— Ты нашёл что-нибудь против него?

Гаспар на несколько секунд задержал взгляд на кубке, затем признал:

— Нет.

— Тогда оставь его в покое.

Де Марсан провёл большим пальцем по краю сосуда. Бонне действительно появлялся рядом слишком часто, но пока исключительно там, где и должен был появляться человек его занятий. Подозревать финансиста каждый раз, когда кому-нибудь требовались деньги, было бы примерно то же самое, что подозревать мясника каждый раз, когда на столе появлялось мясо.

— Не нравится он мне, — всё-таки сказал Гаспар.

Анри снова взял письмо.

— Это пока не преступление.

— К сожалению, — буркнул де Марсан.

Леклер поднялся и прижал бумаги к боку.

— Я передам людям, чтобы Монревеля больше не трогали.

Король кивнул, и Матье вышел.

Гаспар остался в кресле и немедленно потянулся к тарелке ещё раз. Анри успел отодвинуть её к себе.

— Это моё.

Де Марсан возмущённо посмотрел на него.

— Я два дня расследовал дела твоего графа. Мне положена награда.

— Ты два дня ел за государственный счёт.

— Значит, опыт уже есть, — невозмутимо ответил Гаспар и снова протянул руку.

Король несколько секунд наблюдал за ним, явно решая, стоит ли продолжать этот спор, затем всё-таки вернул тарелку.

— Когда-нибудь я начну считать, сколько ты мне стоишь.

Гаспар взял ещё кусок мяса и, прежде чем откусить, напомнил:

— После Сен-Реми ты уже пытался. Ничем хорошим не закончилось.

Анри поднял на него глаза, понял намёк и рассмеялся.

Из библиотеки Гаспар вышел уже в колпаке. За окнами окончательно стемнело, слуги один за другим зажигали свечи в настенных подсвечниках, а снизу время от времени доносилась музыка.

Он прошёл почти половину галереи, когда за спиной прозвучал женский голос:

— Господин Грело.

Шут обернулся.

Луиза де Шамон шла одна. В руке она держала чёрную кожаную перчатку.

Грело сначала посмотрел на находку, потом на собственную левую руку.

— А я уже начал подозревать королеву. Вчера она выиграла у меня достаточно, чтобы забрать и вторую.

Луиза подошла ближе и протянула перчатку.

— Вы оставили её у окна. Анна вряд ли согласилась бы принять вещь, которую вы до этого носили несколько лет.

Грело принял находку и внимательно осмотрел её, словно проверяя, не успела ли перчатка пострадать в чужих руках.

— Какое счастье, что при дворе ещё остаются честные люди.

Де Шамон чуть повела плечом.

— Не преувеличивайте. Я просто не нашла покупателя.

Он усмехнулся и начал натягивать перчатку, расправляя пальцы по одному. Луиза уже сделала шаг к лестнице, но словно вспомнила что-то и остановилась.

— Ферран.

Грело поднял голову.

— Что Ферран?

— Портной Монревеля, — напомнила она. — Вы вчера так настойчиво интересовались. Шут расправил манжету поверх перчатки.

— Значит, вечер всё-таки прошёл не зря.

Луиза наблюдала за ним несколько мгновений и спокойно добавила:

— И земли действительно принадлежали его покойной жене.

Пальцы Грело на миг задержались на манжете, однако улыбка осталась прежней.

— Вы удивительно хорошо осведомлены о чужом имуществе.

— Моя тётка знала графиню, — ответила де Шамон. — Об их споре слышала половина двора.

Грело чуть склонил голову.

— Похоже, вчера я беседовал не с той половиной.

— Возможно, — Луиза уже собиралась идти дальше, но задержалась и посмотрела на него внимательнее. — Только сегодня вам почему-то уже не так интересно, у кого Монревель шьёт камзолы.

Грело оперся плечом о каменный откос окна.

— Я человек переменчивый.

Де Шамон слегка прищурилась.

— Вчера это не мешало вам помнить его лошадей.

— У меня хорошая память на красивых животных, — ответил шут.

Луиза чуть улыбнулась.

— И плохая на собственные вопросы?

Грело усмехнулся и поправил край рукава.

— Иногда вопрос перестаёт быть интересным после того, как получен ответ.

Де Шамон не ответила сразу. Она не спросила, какой именно ответ он получил, не попыталась вытянуть продолжение и не стала рассматривать его лицо в ожидании реакции. Это было почти важнее самого вопроса.

— Конечно, — произнесла Луиза наконец и направилась к лестнице.

Гаспар проводил её взглядом до самого поворота. Она ничего не знала. По крайней мере пока.

Но за два вечера дважды заметила то, мимо чего прошли остальные, и оба раза не стала никому рассказывать о собственной наблюдательности. Это уже начинало интересовать его значительно больше, чем портной Монревеля.

Со стороны лестницы донеслись мужские голоса. Гаспар услышал их раньше, чем двое придворных появились в галерее, оттолкнулся от окна и негромко насвистел мелодию, кото-

рую музыканты играли внизу. Когда мужчины вышли из-за поворота, перед ними снова был Грело: королевский шут в зелёно-чёрном камзоле, натягивающий найденную перчатку и, судя по беззаботному выражению лица, занятый исключительно вопросом, где в Бельриве сегодня подают лучший ужин.

Глава 6. Прощение.

К полудню следующего дня в Малом зале Бельрива становилось душно. За высокими окнами стояло ясное утро, но распахнуть их настежь не позволяли лежавшие на столах бумаги: первый же сильный порыв ветра разнёс бы по залу прошения, справки и выписки, которые трое секретарей раскладывали перед королём уже больше двух часов. Поэтому створки держали приоткрытыми лишь сверху, и свежего воздуха едва хватало тем, кто стоял ближе к окнам.

Грело устроился на широком каменном подоконнике. Одна нога была согнута, вторая почти касалась пола, а на коленях лежала небольшая деревянная миска с орехами, которую он без всякого стеснения утащил со стола для просителей. Иногда шут лениво раскалывал скорлупу рукоятью ножа, иногда вмешивался в разговор, но большую часть времени словно скучал и разглядывал людей, ожидавших своей очереди.

Анри сидел за длинным столом под гербом де Валье. Справа от него работал Этьен де Морне, перед которым успели вырасти две аккуратные стопки бумаг: одну следовало передать дальше, вторую вернуть просителям с замечаниями. Слева менялись секретари. Чуть поодаль стояли несколько придворных, ожидавших личного разговора с королём после окончания приёма. Среди них Гаспар заметил герцога Эмиля де Лароша. Тот держал под мышкой тонкую папку, время от времени переговаривался с пожилым советником и пока не проявлял ни малейшего недовольства тем, что приходится ждать.

Перед королём стоял барон д'Эрвиль, уже четверть часа объяснявший, почему прошлогодний неурожай делает совершенно невозможной уплату налога с двух его владений.

— Град уничтожил почти треть виноградников, государь, — говорил барон, прижимая к груди шляпу с длинным белым пером. — В северной части поместья сбор оказался худшим за последние пятнадцать лет. Если казна не даст хотя бы год отсрочки, мне придётся занимать деньги под совершенно грабительский процент.

Морне посмотрел в лежавшую перед ним справку.

— Ваш управляющий сообщает о потере двадцати двух процентов урожая.

— Он составлял отчёт до окончательного сбора.

— И до покупки двух новых карет? — лениво поинтересовался Грело с подоконника.

Барон повернул голову.

— Что?

Шут расколол очередной орех и, не торопясь, выковырял ядро кончиком ножа.

— Кареты. Красная и синяя. Вторая особенно хороша. Я видел её вчера во дворе и теперь тоже страдаю от последствий вашего неурожая.

Кто-то из ожидавших просителей тихо засмеялся. Д'Эрвиль заметно напрягся.

— Покупка была согласована ещё до града.

— Тогда совершенно другое дело, — сочувственно кивнул Грело. — Стихия хотя бы имела приличие подождать, пока вы выберете обивку.

Анри прикрыл рот пальцами, но Гаспар успел заметить улыбку. Морне, которому приходилось сохранять серьёзность за всех присутствующих, пролистал ещё одну бумагу.

— Вы также увеличили расходы на конюшню на сто восемьдесят экю.

Барон бросил на шута мрачный взгляд.

— У меня появились новые обязанности при дворе.

— Которые едят овёс? — уточнил Грело.

— Грело, — негромко остановил его король.

Шут поднял обе ладони и снова занялся орехами.

Анри выслушал ещё несколько объяснений, после чего предоставил барону отсрочку лишь на половину запрошенной суммы и велел казначейству повторно проверить состояние

виноградников. ДЭрвиль поклонился, явно недовольный результатом, но спорить не посмел. Когда он отошёл от стола, Грело поймал его взгляд и поднял орех в знак прощания. Барон отвернулся так резко, что белое перо на шляпе ударило его по щеке.

Следующим оказался купец из столицы, просивший разрешить расширение складов возле речной пристани. Там всё было проще: Морне обнаружил, что «временные» навесы уже три года стоят на королевской земле, Анри потребовал оплатить прошлое пользование, а Грело поинтересовался, можно ли и ему поставить временный дом возле дворца лет на двадцать. Купец рассмеялся слишком громко, понял это и сразу перестал.

После него в зал пригласили вдову мелкого чиновника, просившую сохранить за ней комнату в доме, принадлежавшем ведомству её покойного мужа. Здесь Грело не сказал ни слова. Женщина говорила тихо, нервно теребя край рукава, а Анри задал всего несколько вопросов и распорядился оставить ей жильё до конца года. Морне отметил решение на полях, секретарь забрал прошение, и вдова вышла, несколько раз оглянувшись, будто до конца не поверила, что всё действительно закончилось.

Пока служитель называл следующего просителя, у бокового стола неожиданно возник спор.

Сначала Гаспар обратил внимание только на голос — молодой, раздражённый и слишком громкий для человека, который хотел чего-нибудь добиться от королевского секретаря.

— В этой бумаге есть копия казначейской записи, — говорил кто-то. — Там указана и сумма, и дата выплаты.

— Я вижу, господин, — терпеливо ответил секретарь. — Но нет заверения провинциального бальи.

— Потому что бальи назначен де Ровеном.

— Это не отменяет порядка подачи прошений.

Грело расколол ещё один орех и повернул голову.

Возле стола стоял молодой дворянин, которого он прежде не видел. Лет двадцати одного или двадцати двух, среднего роста, с дорожным загаром и светло-каштановыми волосами, которые придворный цирюльник наверняка счёл бы нуждающимися в немедленном вмешательстве. Камзол был хорошего сукна, но далеко не новой моды; сапоги тщательно вычищены, хотя на правом ещё оставалась тонкая полоска засохшей дорожной грязи. На поясе висела шпага. Рядом с молодым человеком переминался невысокий седой мужчина в простом коричневом кафтане, прижимавший к груди старую шляпу.

Секретарь вернул бумаги через стол.

— Получите печать бальи, и прошение будет принято.

Молодой человек не взял их.

— Вы предлагаете попросить человека де Ровена заверить жалобу на де Ровена?

Секретарь устало вздохнул.

— Я ничего не предлагаю. Я объясняю вам установленный порядок.

— А пока мы будем соблюдать порядок, с людей продолжат брать деньги, которые уже однажды заплатила корона.

Несколько ожидавших обернулись. Седой спутник осторожно потянул дворянина за рукав.

— Господин Тео...

Тот словно не почувствовал.

Грело бросил скорлупу в миску, соскользнул с подоконника и подошёл ближе.

— Если собираетесь драться с секретарём, сначала отдайте старику бумаги, — посоветовал он. — Кровь плохо отстирывается с королевских прошений.

Молодой дворянин резко повернулся. На мгновение в его лице появилось раздражение от нового вмешательства, потом он узнал придворный костюм и бубенцы.

— Я не собираюсь ни с кем драться.

— Жаль, — Грело остановился рядом и с интересом осмотрел секретаря. — Приём сегодня не особенно весёлый.

Тот нахмурился.

— Господин Грело, я всего лишь выполняю правила.

— Именно это все говорят перед тем, как становится скучно.

Седой мужчина опустил голову, скрывая улыбку. Молодой дворянин, напротив, продолжал смотреть на шута с плохо скрываемым нетерпением.

— Вы можете передать бумагу королю? — спросил он наконец.

Грело перевёл взгляд на сложенные листы.

— Могу.

Тео протянул их.

— Тогда...

Шут не пошевелился.

— Но пока не понимаю зачем.

Юноша на несколько секунд замер с протянутой рукой.

— Потому что два года с людей берут незаконную пошлину.

— Вот теперь уже интереснее. — Грело всё-таки забрал бумаги, но вместо того чтобы читать, повернулся к седому спутнику. — А вы кто?

Старик немного растерялся.

— Мартен Брессе, господин. Староста Вержи.

— Вержи... — Грело припомнил название и развернул верхний лист. — Это где мост через Льенну?

Брессе сразу оживился.

— Да, господин. Королевская дорога на Ормэ проходит через нас.

— И кто собирает деньги?

— Люди сеньора де Ровена. По четыре су с каждой гружёной повозки, по два — с пустой. С гуртов отдельно.

Гаспар быстро просмотрел первые строки. Бумаги были составлены не рукой простого сельского старосты. Здесь имелась копия распоряжения королевской казны трёхлетней давности и список выплат. Он поднял глаза на Тео.

— А вы здесь при чём?

— Я привёз прошение.

— Это я уже понял. Почему?

Молодой человек явно не ожидал вопроса.

— Потому что его дважды возвращали.

Грело подождал.

Тео нахмурился.

— Что?

— Я надеялся услышать продолжение. Может быть, де Ровен отобрал у вас любимую лошадь? Убил собаку? Собирает эти четыре су лично с вашей семьи?

— Нет.

— Тогда зачем вам это?

Юноша бросил взгляд на Брессе, потом снова посмотрел на шута.

— Я ехал в столицу через Вержи. У моей повозки сломалось колесо, пришлось задержаться на два дня. Я увидел, как они собирают пошлину, а господин Брессе рассказал про рас-

поряжение короля. Их бумаги уже возвращали из столицы, потому что не хватало этой проклятой печати. Я всё равно ехал сюда и взял прошение с собой.

Грело медленно сложил документы.

— То есть вы третий день таскаете чужую жалобу только потому, что случайно сломали колесо?

Тео сжал губы.

— Если приказ отменил сбор, деньги брать не должны.

— Вы удивительно опасный человек, господин...

— Тео де Монталь.

Гаспар слышал фамилию. Небогатый провинциальный род, без заметного влияния при дворе, но достаточно старый, чтобы никто не сомневался в праве его представителей носить шпагу. Больше в памяти ничего не всплыло.

— Де Монталь, — повторил Грело и наконец посмотрел в бумаги внимательнее. — А что именно здесь не нравится нашему несчастному секретарю?

Тот, до сих пор вынужденный слушать разговор, сразу вмешался:

— Никакого подтверждения из провинции. Только подписи жителей и копия казначейской записи. По таким бумагам можно обвинить любого человека в чём угодно.

— Видите? — Грело протянул бумаги Тео. — Можно обвинить любого. А вы выбрали человека побогаче. Неразумно.

— Здесь есть расписка о выплате де Ровену, — раздражённо ответил молодой дворянин. — Корона компенсировала ему отказ от права брать пошлину.

— Я умею читать.

— Тогда прочитайте.

На мгновение в голосе Тео появилось такое нетерпение, что Брессе снова осторожно тронул его за локоть. Грело медленно поднял на юношу глаза.

— А вы умеете разговаривать с людьми, которые могут вам помочь?

Тео понял, что сказал лишнее. Судя по тому, как напряглась челюсть, извинения давались ему значительно тяжелее спора.

— Иногда, — ответил он после паузы.

— Сегодня получается хуже обычного.

— Сегодня меня уже три раза отправили за печатью к человеку, на которого мы жалуемся.

Грело хмыкнул и перевёл взгляд на старосту.

— Сколько времени собирают пошлину после выплаты?

— Третий год, господин.

— А называют её как?

— Теперь говорят, что деньги идут на содержание моста. Раньше называли проездным сбором.

— Мост ремонтируют?

Брессе немного подумал и почесал седую щетину на подбородке.

— Весной две доски поменяли.

— За три года?

— Ещё перила красили.

Грело посмотрел на Тео.

— Всё слышали? У человека крашенные перила, а вы жалуетесь.

Юноша сначала принял слова всерьёз, потом заметил выражение лица шута и шумно выдохнул через нос.

— Вы передадите прошение или нет?

— Теперь, пожалуй, передам.

Гаспар сунул бумаги под мышку и направился обратно к королевскому столу. За спиной секретарь пробормотал что-то о нарушении порядка, но спорить с человеком, которому король позволял перебивать герцогов, было бессмысленно.

Анри как раз закончил разговор с представителем ткацкой гильдии. Пока секретарь убирал документы, Грело приблизился к столу и положил перед королём прошение Брессе.

— Нашёл кое-что, государь.

Морне посмотрел на бумагу и нахмурился.

— Это не из принятой стопки.

— Именно поэтому она такая свежая.

— Грело.

— Я проверил. На вкус обычная.

Анри откинулся на спинку кресла и посмотрел сначала на него, затем на стоявших у бокового стола Тео и Брессе.

— Что случилось?

Грело взял верхний лист и помахал им, словно веером.

— Молодой человек у стены пытается доказать, что если корона заплатила дворянину за отмену пошлыны, тот не должен продолжать собирать её под другим названием. Я объяснил ему, что он слишком многого хочет от жизни.

По залу прошёл лёгкий смешок. Тео покраснел, но промолчал.

Анри протянул руку.

— Дай сюда.

Грело вложил бумаги ему в ладонь и вернулся к подоконнику, снова изображая человека, которого дальнейшее совершенно не касается.

Морне подвинулся ближе. Они с королём несколько минут просматривали документы, время от времени переговариваясь вполголоса. Затем первый министр поднял голову.

— Нет заверения бальи.

— Об этом мне уже сообщили, — заметил Анри.

— Без него мы не знаем, продолжается ли сбор в действительности и на каком основании. Тео сделал шаг вперёд.

— Ваше Величество, люди де Ровена стоят у моста каждый день.

Морне повернулся к нему.

— Вас спрашивали?

Молодой дворянин остановился. В глазах мелькнуло раздражение, но на этот раз он заставил себя промолчать.

Анри заметил это и слегка приподнял бровь.

— Подойдите, господин.

Тео приблизился вместе с Брессе. По пути он успел бросить на Грело короткий взгляд, в котором смешались благодарность и опасение, что шут снова вмешается.

— Ваше имя? — спросил король.

— Тео де Монталь, государь.

— Вы из Монталей Шаренской провинции?

Юноша явно не ожидал, что Анри знакома фамилия его рода.

— Да, Ваше Величество.

Король присмотрелся к нему внимательнее.

— Я помню вашего отца. Он служил у моего дяди.

Тео поклонился.

Анри снова перевёл внимание на бумаги.

— Вы утверждаете, что де Ровен получил компенсацию за полный отказ от дорожного сбора.

— Здесь копия казначейской записи, государь, — Тео осторожно указал на второй лист. — Деньги выплачены три года назад. После этого сбор продолжился, только теперь его называют платой за содержание моста.

— Это не одно и то же, — заметил Морне. — Некоторые соглашения действительно запрещают только старый феодальный сбор, оставляя владельцу право взимать плату за содержание переправы.

— Но...

Тео запнулся. Гаспар увидел, как пальцы юноши сжались вокруг края шляпы.

— Но что? — спросил Анри.

— Мост содержат сами жители, государь. Весной плотники из Вержи меняли настил. Де Ровен не заплатил им ничего.

Брессе энергично кивнул.

— Всё верно, Ваше Величество. Мы сами собирали деньги. И лес свой был.

Морне уже собирался что-то сказать, когда со стороны ожидавших придворных раздался спокойный голос:

— Если речь идёт о Вержи, я помню соглашение.

Гаспар повернул голову. Эмиль де Ларош оставил своего собеседника и подошёл ближе, по-прежнему держа папку под мышкой. Король жестом позволил ему говорить.

— Три года назад я видел свод расходов по западным дорогам, — объяснил герцог. — Казна выкупала несколько частных пошлин, чтобы открыть торговый путь на Ормэ. Де Ровен был одним из самых дорогих.

Грело негромко присвистнул с подоконника.

— Приятно узнать, что даже отказ брать чужие деньги может стоить целое состояние.

Ларош бросил на него короткий взгляд, в котором скорее мелькнуло веселье, чем раздражение.

— Иногда, Грело, люди дорожат своими привычками.

— Это я понимаю.

Анри положил ладонь на бумаги.

— Компенсация была за полный отказ от сбора?

Герцог не стал отвечать сразу. Он подошёл к столу, просмотрел копию казначейской записи и покачал головой.

— По одной этой выписке не скажу. Насколько помню, общая сумма включала право проезда и часть рыночных сборов. Но в самом соглашении могли оставить небольшую плату на ремонт моста. Если позволите, государь, оригинал должен храниться в дорожном архиве вместе с отчётом комиссии.

Тео не выдержал:

— Четыре су с каждой гружёной повозки — не небольшая плата.

Ларош повернулся к нему без раздражения.

— Возможно. Но прежде чем обвинять де Ровена, стоит узнать, что именно он подписал.

— Он три года берёт...

Грело прыгнул с подоконника и хлопнул ладонью по колену.

— Вот сейчас господин де Монталь скажет «вор», государь. Предлагаю дать ему воды, пока у нас не появилось ещё одно прошение — уже от де Ровена о защите чести.

По залу снова прошёл смехок. Тео резко повернулся к шуту, но Анри опередил его:

— Грело прав.

Это прозвучало настолько буднично, что несколько человек возле стены переглянулись. Сам Грело сделал удивлённое лицо.

— Государь, повторите. Здесь есть свидетели.

Анри не обратил внимания.

— Господин де Монталь, вы можете считать де Ровена кем угодно, но пока передо мной нет самого соглашения, я не стану объявлять его виновным.

Тео опустил голову.

— Да, Ваше Величество.

— Однако проверка будет.

Юноша сразу поднял глаза.

Анри повернулся к Морне.

— Поднять оригинал соглашения сегодня. До выяснения условий отправить в Вержи распоряжение: сбор не увеличивать, никаких наказаний за отказ жителей платить спорную часть до решения короны. И отдельно запросить отчёт о расходах на мост за последние три года.

Морне взял чистый лист для заметки.

— Если в соглашении право на ремонтный сбор сохранено?

— Тогда установим, сколько он вправе брать и куда ушли деньги.

Первый министр кивнул.

— А если не сохранено?

Анри мельком посмотрел на Тео.

— Тогда господину де Ровену придётся объяснить, почему он три года собирал то, за отказ от чего уже получил деньги.

Брессе шумно вдохнул и несколько раз поклонился.

— Спасибо, государь. Спасибо.

Тео тоже склонил голову, но в отличие от старика ничего не сказал сразу. Гаспар видел, как с его лица постепенно уходит напряжение. Вероятно, молодой человек до последнего ожидал, что бумаги снова окажутся у него в руках с советом получить нужную печать.

Анри передал прошение Морне и уже хотел вызвать следующего просителя, когда Ларош обратился к Брессе:

— Кто ремонтировал мост этой весной?

Староста растерялся от прямого вопроса герцога.

— Наши плотники, ваша светлость. Из Вержи и Сен-Марена.

— Сохранились записи о расходах?

— У церковного старосты должны быть.

Ларош кивнул.

— Пришлите копию вместе с ответом на запрос. Если казна начнёт сравнивать счета, пригодится.

Брессе снова поклонился.

— Сделаем, ваша светлость.

Грело наблюдал за герцогом, ковыряя ножом оставшийся орех. Ларош больше не сказал ничего. Он отошёл к прежнему месту, открыл свою папку и продолжил ждать разговора с королём, словно только что помог разобраться с самым обычным хозяйственным спором.

Так это, собственно, и выглядело.

Приём продолжился.

Следующий час оказался менее интересным. Один дворянин добивался должности для старшего сына и старательно делал вид, что способности молодого человека имеют к просьбе хоть какое-то отношение. Представители небольшого города спорили с казной из-за права проводить вторую ежегодную ярмарку. Какой-то аббат просил лес для ремонта монастырской крыши и в ответ на вопрос Грело, не проще ли сначала прекратить продавать монастырский дуб корабельщикам, внезапно потерял охоту к подробным объяснениям.

Анри закончил приём далеко за полдень. Последние просители покинули зал, секретари начали собирать бумаги, а придворные, ожидавшие личных разговоров, постепенно перебра-

лись в соседнюю галерею. Грело потянулся, забрал миску с оставшимися орехами и обнаружил возле двери Тео де Монталья.

Староста Брессе стоял чуть дальше, разговаривая с одним из королевских писцов. Тео ждал явно не его.

Грело остановился.

— Если вы снова принесли бумагу, предупреждаю: сегодня я больше ничего не читаю.

Молодой дворянин чуть помедлил.

— Я хотел вас поблагодарить.

— Не надо. Это занимает время.

Тео нахмурился, словно пытался понять, издевается над ним шут или действительно хочет уйти.

— Вы помогли нам попасть к королю.

Грело выбрал из миски орех, осмотрел его и вернул обратно.

— Вы сами стояли в двадцати шагах от него. Не такая уж впечатляющая помощь.

— Моё прошение не принимали.

— Потому что вы принесли его без печати.

— Вы сами слышали, почему её нет.

— Слышал.

Тео сдержал раздражение, но Гаспар заметил, какого труда это ему стоило.

— Тогда зачем вы сейчас защищаете секретаря?

— Я его не защищаю, — спокойно ответил Грело. — Он выполнял свою работу. Вы мешали ему её выполнять.

— Если работа состоит в том, чтобы возвращать справедливую жалобу из-за печати...

Шут поднял палец.

— Осторожнее. Сейчас снова начнёте спорить с человеком, который вам помог.

Тео осёкся. Несколько секунд они смотрели друг на друга, после чего молодой человек неожиданно усмехнулся.

— Вы специально это делаете?

— Что именно?

— Злите людей.

Грело задумался, почесав орехом кончик носа.

— Иногда они после этого начинают говорить интереснее.

Ответ заставил Тео посмотреть на него внимательнее, но Гаспар уже расколол скорлупу и отправил половину ядра в рот.

— А если бы я тогда ударил секретаря? — спросил де Монталь.

— Тогда я бы ошибся в вас.

— Вы ожидали, что я его ударю?

— Нет. Хотел посмотреть, насколько близко подойдёте.

Тео невольно посмотрел в сторону стола, за которым сидел секретарь.

— И насколько?

Грело пожал плечами.

— Ещё минуты две — и вы бы назвали его идиотом. Через пять, наверное, объяснили бы Морне, как управлять королевской канцелярией. Я решил вмешаться раньше.

Юноша фыркнул.

— Я не настолько глуп.

— Это и проверяли.

На этот раз Тео рассмеялся. Негромко и скорее против воли, но напряжение наконец исчезло.

Грело опёрся плечом о дверной косяк.

— Теперь другой вопрос. Что вы вообще делаете при дворе?

— Ищу службу.

— Уже нашли хороший способ начать. Поссориться с секретарём короля, перебить первого министра и почти обвинить влиятельного сеньора в воровстве перед половиной двора.

— Я не обвинял его.

— Только не успели.

Тео провёл ладонью по волосам и оглянулся на Брессе.

— Я приехал с письмами от отца. Он надеется устроить меня в одну из королевских рот или к кому-нибудь из военного двора.

Грело оценивающе посмотрел на шпагу у его пояса.

— Служили?

— Два года при гарнизоне Сен-Клера. Ничего серьёзного. Несколько пограничных стычек.

— Ранены?

Тео покачал головой.

— Тогда совсем ничего серьёзного.

Молодой человек явно хотел возразить, но передумал.

— А вы всегда разговариваете так?

— Как?

— Будто собеседник должен сам решить, смеётесь вы над ним или нет.

Грело положил скорлупу обратно в миску.

— Обычно это экономит объяснения.

Тео ещё раз посмотрел на него, затем перевёл взгляд на старосту.

— Всё равно спасибо.

На этот раз Гаспар не стал отмахиваться.

— Благодарите короля. И Лароша. Без герцога пришлось бы ждать, пока архив найдёт соглашение.

— Поблагодарю.

Грело уже собирался пройти мимо, но остановился.

— Кстати, господин де Монталь.

Тео обернулся.

— Если завтра вам снова откажут в какой-нибудь бумаге, сначала спросите почему. А уже потом решайте, кого вызвать на дуэль.

— Я никого не собирался вызывать.

— Тем хуже. Значит, так вы разговариваете просто по привычке.

Тео открыл рот, но Грело успел уйти прежде, чем получил ответ.

В коридоре было прохладнее. Гаспар прошёл к дальней лестнице, где обычно было меньше придворных, и только там доел последний орех. Тео де Монталь оказался именно таким, каким выглядел: молодой, упрямый, плохо умеющий прятать раздражение и совершенно уверенный, что правильного аргумента достаточно, если произнести его достаточно ясно. При дворе подобная привычка могла закончиться быстро и неприятно.

Однако он привёз чужое прошение через половину страны и не попытался получить за это ни денег, ни должности, ни даже места ближе к королю.

Это было менее обычно.

Ближе к вечеру Гаспар снова увидел Анри. Король перебрался из рабочего кабинета в небольшую комнату возле библиотеки, где обычно разбирал бумаги, не требовавшие присутствия секретарей. На одном конце стола лежали письма, на другом стоял кувшин вина и две чаши. Гаспар вошёл без колпака, который оставил в своих комнатах, налил себе вина и сел напротив, пока Анри дочитывал какой-то отчёт.

— Тебя искал Морне, — сказал король, не поднимая головы.

Гаспар отпил.

— Поэтому я пришёл сюда.

Анри дочитал строку, поставил на полях короткую отметку и только после этого посмотрел на друга.

— Он хотел спросить, зачем ты пообещал аббату монастырский лес, если тот докажет, что крыша действительно течёт.

— Я ничего не обещал. Я предложил дожждаться дождя и проверить.

— В спальне аббата.

— Там дороже мебель. Результат будет убедительнее.

Король усмехнулся и отложил перо.

— Что тебе понадобилось от Монталя?

Гаспар покрутил чашу между ладонями.

— Ничего.

— Тогда зачем полез в его прошение?

— Хотел посмотреть, сколько ему понадобится времени, чтобы оскорбить секретаря.

Анри приподнял бровь.

— И?

— Меньше, чем я рассчитывал.

Король рассмеялся и потянулся за вином.

— Мне он кого-то напоминает.

Гаспар сразу понял, куда идёт разговор, и недовольно посмотрел на него поверх чаши.

— Даже не начинай.

— Молодой офицер. Провинциал. Убеждён, что если начальство говорит глупость, его священный долг немедленно сообщить об этом вслух.

— Ничего общего.

Анри налил себе немного вина.

— Тот тоже так говорил.

— Тот хотя бы был прав.

Король остановил кувшин над столом и посмотрел на него с явным удовольствием.

— Вот это он повторял чаще всего.

Гаспар некоторое время молчал, потом придвинул к себе тарелку с ломтиками сыра.

— А потом этот офицер спас тебе половину армии.

— Четыре десятка человек.

— Я округлил.

— До половины армии?

— Мне всегда плохо давались цифры.

Анри отпил вина, всё ещё улыбаясь.

— Монталь тебе понравился.

Гаспар взял сыр.

— Нет.

— Ты разговаривал с ним после приёма.

— Я разговариваю со многими людьми.

— Обычно после этого они стараются не попадаться тебе снова.

— Разумные люди.

Король не стал спорить. Он потянулся к следующему письму, но прежде чем развернуть его, заметил:

— Я помню его отца. Человек неплохой. Упрямый, правда.

Гаспар отломил кусок сыра и хмыкнул.

— Значит, наследство уже поделено.

— Если мальчишка действительно хочет в королевскую роту, могу велеть кому-нибудь посмотреть, как он держит шпагу.

Гаспар перестал жевать и посмотрел на друга.

— Не надо.

Анри задержал руку над письмом.

— Почему?

— Если он стоит чего-нибудь, пробьётся сам. Если не стоит, ты испортишь мне удовольствие смотреть, как он пытается.

Король покачал головой.

— Ты добрый человек, Гаспар.

— Никому не говори.

Анри вернулся к письму, а де Марсан ещё некоторое время сидел напротив и доедал сыр. О Монтале они больше не говорили.

Когда Гаспар спустился во внутренний двор, солнце уже опустилось за западное крыло Бельрива. У ворот разгружали небольшую телегу с ящиками, слуги вели к конюшням двух запялённых лошадей, а под аркадой он снова заметил знакомую светло-каштановую голову.

Тео стоял рядом с Мартеном Брессе и спорил теперь уже не с королевским секретарём, а с хозяином дешёвой гостиницы неподалёку. Староста, судя по всему, не знал, где ему оставаться до получения ответа из канцелярии, и молодой дворянин пытался объяснить трактирщику, что три ночи не могут стоять столько, сколько тот требует. Спор шёл оживлённо, но на этот раз Тео слушал ответы прежде, чем возражать.

Гаспар задержался под аркой ровно настолько, чтобы понять, что вмешиваться не придётся. Потом натянул перчатки и пошёл к лестнице, ведущей в его крыло. Имя де Монталя он всё же удержал в памяти.

Глава 7. Листок.

Утром пятого дня Гаспар вошёл в малый кабинет короля с намерением отнять у Анри хотя бы часть завтрака и сразу понял, что опоздал не только к еде. За столом уже сидел Морне, Леклер стоял возле окна, а между блюдом с холодной ветчиной и раскрытой корреспонденцией лежал грязноватый лист бумаги, которого в королевском кабинете быть не должно было.

Анри держал в одной руке кусок хлеба, другой придерживал край листа и дочитывал последние строки. По лицу государя трудно было понять, забавляет его прочитанное или раздражает. Морне, напротив, выглядел так, будто уже успел мысленно составить список людей, которых следовало вызвать для объяснений.

Гаспар прикрыл за собой дверь, снял колпак и положил его на свободное кресло.

— Судя по собранию, я пропустил войну.

Анри поднял на него глаза и отложил хлеб.

— Хуже. Оказывается, я погубил королевство.

— Уже? — Гаспар подошёл к столу, попутно стащил кусок ветчины и протянул руку к бумаге.

Король передал ему листок.

— Судя по этому листку, к зиме от королевства уже ничего не останется.

— Тогда хорошо, что мы узнали заранее, — меланхолично заметил де Марсан и принялся читать.

Бумага была дешёвой, сероватой, с неровно обрезанным краем. Печатали торопливо: некоторые буквы легли темнее остальных, в двух местах краска расплылась. Заголовок набрали крупнее основного текста:

«О вере, мире и долге государя».

Автор не называл Анри тираном и не призывал хвататься за оружие. Напротив, первые абзацы были написаны почти почтительно: государь именовался помазанником Божьим, хранителем порядка и защитником королевства. Дальше уважение постепенно превращалось в упрёк. Короля обвиняли в том, что ради спокойствия городов он позволяет «заблуждению укореняться там, где прежде господствовала истинная вера», отнимает древние права у духовных владений, терпит тех, кто не желает подчиняться церковной дисциплине, и слишком охотно называет миром то, что автор считал слабостью.

Гаспар дочитал половину и перестал жевать.

— Это Сен-Жер?

— Частично, — ответил Морне и постучал пальцем по лежавшему перед ним второму экземпляру.

Де Марсан снова опустил взгляд к тексту. Некоторые обороты действительно напоминали манеру кардинала Армана де Сен-Жера: тот любил говорить о долге государя перед Богом, о границах светской власти и о том, что спокойствие само по себе ещё не делает решение справедливым. Но здесь его мысли были короче, грубее и удобнее. Из длинных рассуждений исчезли условия, оговорки и всё, что мешало превратить церковный спор в понятную каждому обиду.

— Где нашли? — спросил Гаспар, переворачивая листок и осматривая оборот.

Леклер отошёл от окна.

— Первый сняли с двери хлебной лавки возле рынка Сен-Поль ещё до рассвета. Потом нашли два у церкви Святого Мартина, ещё один на стене возле южных ворот. Этот принёс мой человек.

— Сколько их разошлось?

Матье качнул головой.

— Пока не знаю.

— Кто расклеивал?

— Тоже пока не знаю.

Гаспар поднял глаза от бумаги и с сочувствием посмотрел на него.

— У тебя тяжёлое утро.

— Оно началось два часа назад.

— Тогда ещё есть время исправиться.

Леклер промолчал. Морне тем временем взял со стола чистый экземпляр, который, судя по отсутствию клея на обороте, сняли ещё до того, как его успели куда-нибудь прикрепить.

— Меня больше интересует содержание, чем происхождение бумаги, — сказал первый министр. — Если Сен-Жер действительно произносил хотя бы половину этих слов, листок будут повторять быстрее любого королевского указа.

Гаспар вернулся к тексту.

— Произносил.

Анри перестал тянуться к завтраку.

— Ты помнишь его проповеди?

Де Марсан покосился на него.

— Я иногда слушаю людей, Анри.

— Даже кардиналов?

— Особенно когда они говорят о тебе.

Морне протянул руку к листку.

— Вот эта фраза из его проповеди после беспорядков в Роше. Почти дословно.

Гаспар не отдал бумагу сразу. Нашёл нужное место, перечитал несколько строк и помнил продолжение. Сен-Жер действительно говорил тогда, что король, стремящийся примирить всех, рискует однажды обнаружить, что никто уже не понимает, где проходит граница дозволенного. Но следом кардинал отдельно предупреждал духовенство, что разногласие с властью не даёт права оправдывать мятеж.

Этой части в листке не было.

— Автор умеет выбирать, — заметил де Марсан, передавая бумагу Морне. — Берёт фразу, отсекает всё, что ему мешает, и получает Сен-Жера, которого приятно читать разозлённому сапожнику.

Леклер скрестил руки на груди.

— Почему именно сапожнику?

Гаспар указал на текст.

— Потому что это не писали для богословов. Здесь ни одного места, над которым надо думать дольше, чем наливают кружку вина. Король уступает еретикам, церковь унижают, старые права отнимают, придворные торгуют верой. Всё понятно с первого раза.

Морне разгладил лист на столе.

— То есть агитация.

— А ты ожидал трактат о природе королевской власти?

— Я ожидал, что ты перестанешь есть мой завтрак, — вмешался Анри, заметив, как рука Гаспара снова потянулась к блюду.

Де Марсан посмотрел на оставшиеся куски ветчины.

— Поздно.

Король придвинул тарелку к себе, однако Гаспар успел перехватить ещё один кусок и только после этого спросил:

— Что будем делать с Сен-Жером?

— Ничего, пока не поговорим с ним, — ответил Анри.

Морне нахмурился.

— Я бы предпочёл, чтобы разговор прошёл без лишних ушей.

— Ты намекаешь на него? — король кивнул в сторону Гаспара.

— Я намекаю на половину дворца. Если имя кардинала уже используют против короны, мне не хочется, чтобы через час по галереям рассказывали, будто его вызвали на допрос.

Анри откинулся на спинку кресла.

— Тем более не будем посылать за ним людей Матье из-за бумаги, которую мог заказать любой студент с несколькими экю.

— Сен-Жер сам узнает, — заметил Гаспар. — К полудню об этом будет говорить весь город.

Леклер коротко усмехнулся.

— Уже говорит.

— Тогда к полудню город успеет придумать продолжение.

Морне хотел ответить, но за дверью послышались шаги. После разрешения вошёл секретарь и остановился у порога.

— Ваше Величество, кардинал де Сен-Жер прибыл в Бельрив. Просит принять его немедленно, если это возможно.

Гаспар медленно повернул голову к Леклеру.

— Видишь? Я же говорил, что утро ещё можно спасти.

Матье даже не посмотрел на него.

Анри вытер пальцы салфеткой.

— Пусть войдёт.

Когда секретарь вышел, Морне задумчиво посмотрел на дверь.

— Быстро приехал.

Гаспар бросил остаток ветчины в рот.

— Значит, умеет читать.

— Или заранее знал, что будет напечатано, — спокойно заметил первый министр.

Де Марсан перевёл на него взгляд. Морне произнёс это без намёка на обвинение, просто добавил ещё одну возможность к остальным. Анри тоже не стал спорить.

— Сейчас узнаем, — сказал король и убрал листки подальше от тарелки.

Кардинал Арман де Сен-Жер вошёл через несколько минут. Ему было около пятидесяти пяти, и возраст выдавали главным образом седина у висков и тонкие линии возле глаз. Высокий, сухощавый, с прямой спиной и неторопливыми движениями, он не производил впечатления человека, которому приходилось повышать голос, чтобы заставить окружающих слушать. Красная кардинальская одежда была без лишней роскоши; на правой руке поблёскивало кольцо, которое в коридорах Бельрива целовали люди куда богаче большей части епископов.

Сен-Жер поклонился королю, затем поприветствовал Морне и Леклера. На Грело его взгляд задержался чуть дольше, но никакого удивления в нём не было. Кардинал давно привык к тому, что королевский шут появляется там, где по всем правилам находиться не должен.

— Ваше Величество, — начал он, — полагаю, причина моего приезда уже лежит у вас на столе.

Анри указал ему на свободное кресло.

— Даже в двух экземплярах. Садись.

Кардинал занял предложенное место. Морне подвинул к нему один из листков.

— Вы уже читали?

— Один экземпляр мне принесли около часа назад, — ответил Сен-Жер, положив ладонь на бумагу. — Я успел прочесть его дважды. Второй раз впечатление не улучшилось.

Гаспар невольно усмехнулся.

— Значит, хоть в чём-то мы сегодня согласны.

Кардинал повернул к нему голову.

— Не спешите радоваться, Грело. День только начался.

— Вот теперь узнаю вас.

Анри движением руки остановил дальнейшую перебранку.

— Арман, я хочу понять, что из этого действительно твоё.

Сен-Жер взял листок. Читал он медленно, иногда останавливался, возвращался на строку назад и словно проверял не смысл, а точность формулировки. Наконец провёл ногтем по одному предложению.

— Это моё. Проповедь в Роше, два года назад.

Чуть ниже коснулся ещё одного места.

— И это тоже. Но здесь убран конец фразы.

Морне наклонился ближе.

— Какой именно?

Кардинал ответил без долгих поисков в памяти:

— Я говорил, что мир, купленный отказом от убеждений, ненадёжен. Следом добавил, что насилие ради убеждений разрушает и веру, и государство. Второй части здесь нет.

Гаспар опёрся локтями о колени.

— Она мешала.

— Очевидно, — сухо согласился Сен-Жер и продолжил читать.

В середине страницы выражение его лица впервые изменилось. Совсем немного: губы стали тоньше, а указательный палец остановился на строке.

— А этого я никогда не говорил.

Анри протянул руку.

— Покажи.

Кардинал повернул лист к нему.

— «Когда земная власть защищает заблуждение, верующий вправе помнить о законе, стоящем выше королевского указа». Не моя фраза.

Морне посмотрел на Сен-Жера поверх бумаги.

— Но мысль близка к тому, что вы говорили о первенстве Божьего закона.

Кардинал спокойно встретил его взгляд.

— Близка настолько же, насколько нож близок к скальпелю. Оба режут. На этом сходство заканчивается.

Первый министр не обиделся, лишь провёл пальцем по подбородку и вновь посмотрел в текст. Анри некоторое время молчал, затем откинулся в кресле.

— Тогда спрошу прямо. Ты согласен с тем, что здесь написано?

Сен-Жер положил лист на стол и на несколько секунд задумался.

— С частью — да. Я не стану сегодня отказываться от того, что говорил вчера, только потому, что мои слова кому-то понадобились для этой бумаги. Некоторые ваши решения я считаю ошибочными, государь. Я говорил это вам лично и не скрывал публично.

Анри кивнул.

— Например?

— Разрешение открыть четыре новые молельни в западных городах.

— До этого там трижды дрались на улицах.

— Драки прекратились. Спор остался.

Анри подался вперёд.

— Мне важнее, чтобы люди перестали резать друг друга возле рынка.

Сен-Жер положил ладони на подлокотники кресла.

— А мне важно, что произойдёт через десять лет, когда временное решение станет привычкой.

— Тем, кого зарежут сегодня, до десяти лет дела не будет.

Кардинал выдержал короткую паузу, прежде чем ответить:

— Поэтому вы король, а я кардинал. Мы обязаны смотреть на одну и ту же вещь с разных сторон.

Анри усмехнулся, но без веселья.

— Иногда мне кажется, что церковь особенно любит ту сторону, где не приходится отвечать за городскую стражу.

В глазах Сен-Жера мелькнуло раздражение.

— А мне иногда кажется, государь, что двор слишком охотно называет миром всё, что не горит прямо сейчас.

Гаспар медленно повертел в пальцах пустой кубок. Подобные споры между ними он слышал прежде. Сен-Жер не боялся Анри, но и не пытался превратить несогласие в состязание за власть; король мог злиться на него сколько угодно, однако до сих пор никогда не путал неудобного собеседника с врагом.

Морне первым вернул разговор к листку.

— Как бы то ни было, ваши настоящие слова здесь стоят рядом с призывом ставить религиозный долг выше распоряжений короны. Человек, который не слышал исходных проповедей, не станет отделять одно от другого.

Сен-Жер снова посмотрел на бумагу.

— Поэтому я и приехал.

До этого молчавший Леклер наконец вмешался:

— Что вы намерены делать публично?

Кардинал повернулся к нему.

— Сегодня я должен говорить в дворцовой часовне. Отменять проповедь не стану.

Морне нахмурился.

— Возможно, как раз стоило бы.

— Нет.

Первый министр сцепил пальцы.

— Если листки уже разошлись по городу, каждое ваше слово сегодня будут пересказывать вдвое внимательнее обычного.

— Именно поэтому я не отменю выступление, — ответил Сен-Жер. — Если после появления этой бумаги я внезапно исчезну, к вечеру будут говорить, будто король запретил мне проповедовать.

Анри посмотрел на Морне.

— Здесь он прав.

Тот слегка вздохнул.

— Я не предлагал запрещать. Можно сослаться на болезнь.

Грело внимательно оглядел кардинала.

— Бледность подходит. Осталось пару раз кашлянуть.

Сен-Жер невозмутимо поправил рукав.

— Если мне понадобится совет, как убедительно изображать то, чего нет, я непременно обращусь к вам.

Гаспар улыбнулся.

— Наконец-то признание моих способностей.

На лице кардинала на мгновение появилась едва заметная усмешка.

Анри постучал пальцем по листку.

— Говори так, как собирался. Но не превращай часовню в ответ неизвестному печатнику и не оправдывайся.

— Не собирался ни того, ни другого, — ответил Сен-Жер.

Король повернулся к Леклеру.

— А ты найди типографию.

Матье коротко кивнул.

— Уже ищем.

— Без облав в университетском квартале.

— Я не планировал их устраивать.

— Хорошо. Потому что если из-за одного листка мы перевернём половину города, следующий напечатают уже только ради удовольствия.

Гаспар поднял палец.

— Если понадобится заголовок, могу помочь.

— Нет, — одновременно произнесли Морне и Леклер.

Анри рассмеялся, а Сен-Жер только покачал головой.

Кардинал задержался ещё минут на двадцать. Они разобрали несколько цитат, которые автор листка вытащил из старых проповедей, и Сен-Жер назвал места и обстоятельства, при которых они прозвучали. Он не пытался скрыть даже неудобные для короны слова; однажды сам напомнил о речи, не попавшей в листок и куда более резко критиковавшей один из указов Анри.

Когда разговор закончился, Сен-Жер поднялся. У двери король окликнул его:

— Арман.

Кардинал обернулся.

— Государь?

— Если услышишь что-нибудь о том, кто это распространяет, скажи Матье.

Сен-Жер перевёл взгляд на Леклера.

— Даже если это окажется священник?

— Особенно если священник.

Кардинал несколько секунд смотрел на короля, затем кивнул.

— Хорошо.

Когда дверь за ним закрылась, Морне первым потянул к себе листок. Гаспар встал с кресла и подошёл ближе к столу.

— Ты всё ещё думаешь, что он мог знать заранее?

Первый министр не стал делать вид, будто не понял вопроса.

— Я думаю, что Сен-Жер достаточно умен, чтобы не смешивать свои настоящие слова с выдуманными, а потом первым приезжать сюда объясняться.

— Это не ответ.

— Другого у меня пока нет.

Леклер снял со спинки кресла плащ.

— До вечера постараюсь выяснить, где печатали.

Гаспар проводил его взглядом.

— А если не выяснишь?

Матье остановился у двери.

— Тогда скажу, что не выяснил.

— Удивительная служба.

— Попробуй как-нибудь.

Дверь за ним закрылась. Анри собрал оставшийся завтрак ближе к себе и посмотрел на Гаспара.

— Ты пойдёшь в часовню?

— А ты?

— Через час принимаю послов.

Де Марсан надел колпак.

— Значит, кому-то придётся проверить, не собирается ли Сен-Жер призвать прихожан сбросить тебя с трона.

Морне поднял голову от бумаг.

— Если услышишь что-нибудь действительно важное, не жди вечера.

Грело задержался у двери.

— Этьен, если кардинал начнёт раздавать мечи прямо у алтаря, я обязательно пришлю записку.

Первый министр прикрыл глаза на мгновение.

— Иногда я понимаю, зачем тебя держат при дворе.

Гаспар заинтересованно обернулся.

— Наконец-то.

— Чтобы остальные упражнялись в терпении.

— Вот видишь. Даже моя служба приносит пользу государству.

К полудню возле дворцовой часовни собралось заметно больше людей, чем обычно. Уже в коридоре слуги задерживались у дверей под видом поручений, несколько придворных, редко появлявшихся на богослужениях, неожиданно нашли время для благочестия, а у дальней колонны стояли двое офицеров, которым молитва, судя по их лицам, была далеко не первой причиной прихода.

Грело вошёл одним из последних.

Часовня Бельрива была достаточно велика для королевского двора, но на толпу не рассчитывалась. Высокие узкие окна пропускали полосы дневного света, возле алтаря светлый камень казался почти белым, а дальше, под деревянными галереями, уже лежала прохладная тень. Свечи горели несмотря на ясный день, и в воздухе смешивались запахи воска, ладана и старого камня.

Гаспар не стал пробираться вперёд. Он выбрал место у боковой колонны, откуда хорошо видел и кафедру, и большую часть собравшихся.

Сен-Жер появился без опоздания.

Кардинал не принёс листок и ни разу не упомянул его прямо. Начал с обычного чтения, затем заговорил о долге — государя перед подданными, советника перед государем, священника перед паствой, хозяина перед людьми, зависящими от его решений. Первые минуты Гаспар слушал вполуха, больше наблюдая за залом.

У дальней стены стоял молодой клирик с узким лицом и слишком внимательным взглядом. Рядом расположились двое молодых дворян примерно возраста Тео де Монталья, только одетых значительно дороже. Один из них в начале проповеди несколько раз согласно кивал, но по мере того, как Сен-Жер продолжал, выражение его лица становилось всё менее довольным.

Кардинал тем временем заговорил о словах — о том, как легко заставить чужую фразу служить своей цели, если убрать всё сказанное до неё и после.

Гаспар перевёл взгляд с кафедры на слушателей. Дама в первом ряду чуть повернула голову к соседке, кто-то позади негромко кашлянул, а молодой клирик у стены выпрямился и перестал смотреть по сторонам.

— Человек отвечает не только за собственные слова, — говорил Сен-Жер, положив ладони на края кафедры, — но и за то, что делает со словами другого. Ложь не становится благочестивой только потому, что в ней упомянуто имя Бога. И личная ненависть не становится долгом, если назвать её ревностью о вере.

Один из молодых дворян быстро переглянулся с товарищем и поморщился. Гаспар задержал на них взгляд чуть дольше. Люди могли морщиться на проповедях по десятку причин, однако эти двое явно пришли в часовню в ожидании более резких слов.

Сен-Жер продолжал спокойно:

— Государь может ошибаться. Священник может ошибаться. Советник может ошибаться. Тот, кто видит ошибку, имеет право назвать её. Но между несогласием и мятежом есть расстояние, которое особенно легко сокращают люди, никогда не платившие за последствия собственных речей.

Гаспар снова посмотрел на молодого клирика. Тот уже не следил за кардиналом с прежним вниманием и теперь сжимал пальцами край рукава.

Дальше Сен-Жер заговорил о границах компромисса, и несколько придворных, до этого явно разочарованных, немного оживились. Кардинал не пытался защищать Анри и не смягчал собственных убеждений. Он оставался неудобен обеим сторонам: тем, кто пришёл услышать безусловную поддержку короля, и тем, кто надеялся получить оправдание неповиновения.

После службы люди расходились медленно. Гаспар остался возле колонны, пропуская толпу. Два молодых дворянина вышли вместе, о чём-то быстро переговариваясь. Клирика рядом с ними уже не было. Грело проводил их взглядом до двери, но идти следом не стал. Если начать преследовать каждого, кому не понравилась проповедь Сен-Жера, к вечеру в Бельриве не хватит людей, чтобы вести записи.

Кардинал тем временем задержался у алтаря. Одна пожилая дама попросила благословения, другая заговорила о больном родственнике. Арман выслушал обеих без заметной спешки.

Гаспар уже собирался уходить, когда Сен-Жер увидел его.

— Грело.

Шут остановился. Кардинал закончил разговор с дамами и подошёл ближе.

— Вы всю службу смотрели куда угодно, кроме алтаря.

Гаспар поправил край рукава.

— Надеюсь, что Господь простит.

— На это вы рассчитываете слишком часто.

— Вы говорили хорошо, — заметил Грело.

Кардинал слегка наклонил голову.

— Это комплимент?

— Не привыкайте.

Сен-Жер поправил перчатку на правой руке и посмотрел в сторону дверей, через которые выходили последние слушатели.

— Кто-нибудь особенно расстроился?

Гаспар некоторое время смотрел на него.

— Вы тоже следили за залом?

— В отличие от вас, я стоял к нему лицом.

— Тогда зачем спрашиваете?

Кардинал чуть прищурился.

— Потому что вы смотрите иначе.

Грело улыбнулся, но от шутки на этот раз отказался.

— Несколько человек явно ждали от вас большего.

— Большого чего?

Гаспар пожал плечом.

— Не знаю. Возможно, чтобы вы прямо после службы потребовали сжечь короля. Это всегда оживляет мероприятие.

Сен-Жер вздохнул.

— Вы способны говорить серьёзно дольше минуты?

— Когда есть причина.

Кардинал задержал на нём взгляд.

— Значит, сейчас её нет?

— Пока я видел только несколько недовольных лиц.

— Тогда пусть останутся лицами.

Они вместе вышли из часовни. У дверей Сен-Жера ждал секретарь с плащом в руках. Кардинал забрал перчатки, но не торопился уходить.

— Листок вы дочитали до конца? — спросил он.

— Дважды.

— И что думаете?

Гаспар прислонился плечом к каменной стене.

— Если бы человек всё придумал, над ним бы посмеялись. А так половину вы действительно говорили.

Сен-Жер медленно натянул перчатку.

— Именно это меня и беспокоит.

— Что ваши слова запомнили?

— Что чужая ложь выглядит убедительнее рядом с моими настоящими словами.

Гаспар несколько секунд рассматривал кардинала.

— Тогда стоило говорить скучнее.

На этот раз Сен-Жер улыбнулся.

— Поздно.

Он уже сделал несколько шагов вместе с секретарём, когда Грело окликнул его:

— Сен-Жер.

Кардинал обернулся.

— Тот, кто это написал, вас не любит.

— Почему вы решили?

Гаспар поправил колпак.

— Потому что сделал вас глупее, чем вы есть.

Сен-Жер неожиданно рассмеялся — негромко, но вполне искренне.

— А я уже начал думать, что вы сегодня всё-таки скажете мне что-нибудь приятное.

— Не настолько скучаю.

Кардинал покачал головой и ушёл вместе с секретарём. Гаспар ещё немного постоял возле дверей часовни, слушая, как постепенно затихают шаги в галерее, а затем вернулся к обычным делам дворца.

Леклер нашёл его ближе к вечеру.

Гаспар в это время сидел в небольшой оружейной комнате возле внутреннего двора и спорил с королевским оружейником о том, можно ли считать трещину на старой гарде украшением. Матье появился в дверях, дождался, пока хозяин комнаты заберёт шпагу из рук Грело, и только после этого произнёс:

— Нашли типографию.

Гаспар повернулся к нему.

— Жаль. Я надеялся, что Сен-Жер печатает листки сам по ночам.

— Пойдём.

Они поднялись в ту же комнату над оружейной, где накануне разбирали дела Монревеля. Сегодня на столе лежали три одинаковых печатных листка и узкая полоска бумаги с несколькими именами.

Гаспар взял верхний экземпляр.

— Где печатали?

— В университетском квартале. Мастерская Пьера Ламбера. Официально печатает учебные тексты, календари, проповеди, иногда объявления для торговцев.

— Подпольно?

Матье сел за стол.

— Не совсем. Лицензия есть. Но этот заказ в книге не записан.

Де Марсан опустился напротив и вытянул ноги.

— Значит, заплатили достаточно.

— Скорее попросили не задавать вопросов, — поправил Леклер и подвинул к нему полоску бумаги. — Ламбер говорит, заказ принёс молодой человек. Лет двадцати пяти, возможно моложе. Тёмный плащ, простая одежда. Лица почти не запомнил.

— Очень полезное описание.

— Это столица, Гаспар. Здесь тысячи молодых людей в тёмных плащах.

— Акцент?

— Столичный или близкий к нему. Деньги обычные. Половину отдали сразу, остальное после печати.

Гаспар снова посмотрел на листок.

— Сколько экземпляров?

— Ламбер говорит, двести пятьдесят.

Де Марсан поднял глаза.

— Говорит?

— Бумаги ушло примерно на три сотни.

— Значит, мог соврать.

— Мог, — спокойно согласился Леклер.

Гаспар провёл пальцем по краю страницы.

— Кто забирал заказ?

— Тот же человек и ещё один. Второго печатник почти не рассмотрел. Пришли вечером, всё упаковали и ушли через заднюю дверь.

— Куда?

Матье посмотрел на него без выражения.

— Если бы я знал, они сейчас сидели бы здесь вместо тебя.

Гаспар усмехнулся.

— Иногда полезно уточнить.

— Запишу.

Он положил листок обратно на стол.

— Ламбера задержали?

— Нет.

Этот ответ заставил де Марсана посмотреть на капитана внимательнее.

— Оставил на месте?

— Если заказчик вернётся за новой печатью, я хочу узнать об этом раньше него.

Гаспар одобрительно кивнул.

— Умнеешь.

— Спасибо.

Леклер взял один из экземпляров.

— Ещё одно. Ламбер уверен, что текст принесли уже готовым. Ничего не диктовали и почти не правили в мастерской. Рукопись он сжёт после печати.

— Сам решил?

— Заказчик потребовал.

— Значит, хотя бы понимал, что оставлять её не стоит.

Матье чуть пожал плечами.

— Или просто не хотел, чтобы по почерку нашли автора.

Несколько секунд они молчали. За окном постепенно темнел внутренний двор, снизу доносились голоса солдат, сменявших караул.

— Ещё листки нашли? — спросил Гаспар.

— Семь у южных ворот. Несколько возле собора. Два принёс университетский преподаватель — нашёл у себя под дверью. Думаю, утром появятся ещё.

Де Марсан взял одну страницу, сложил её пополам и снова развернул.

— Значит, их действительно старались растащить по разным местам.

Леклер посмотрел на него.

— Для этого их и печатали.

Гаспар несколько мгновений молча разглядывал капитана.

— Ты слишком много времени проводишь со мной.

— Один из недостатков службы.

Де Марсан положил лист на стол.

— Люди Сен-Жера?

— Пока ничего, — ответил Матье. — Проверили тех, кто обычно печатает его проповеди. Этот текст никто из них не видел. Сам кардинал после часовни вернулся в свою резиденцию.

— Я не спрашивал, куда он поехал.

Леклер чуть приподнял бровь.

— Но собирался.

Гаспар хмыкнул.

— Морне тоже попросил проверить?

— Морне предпочитает знать всё.

— Поэтому у него всегда такое лицо.

Матье подвинул листки в сторону.

— Что заметил в часовне?

Гаспар не ответил сразу. В памяти всплыли молодой клирик у стены и двое дворян, которые явно ожидали от проповеди чего-то другого.

— Нескольким людям она не понравилась.

— Имена?

— Не знаю.

Леклер нахмурился.

— Не узнал?

— Одного раньше не видел. Двое молодых дворян — лица знакомые, фамилии не вспомню. Если снова попадутся, покажу.

— Они что-нибудь сделали?

— Нет.

— С кем-нибудь говорили?

Гаспар откинулся на спинку стула.

— Матье, это была часовня после проповеди. Там все с кем-нибудь говорили.

Леклер помолчал и кивнул.

— Тогда пока ничего.

Де Марсан посмотрел на него с притворным удивлением.

— Ты только что сказал ровно то, что я собирался сказать.

— Переживёшь.

Гаспар поднялся, забрал колпак со спинки стула и направился к двери.

— Куда?

— Ужинать.

Леклер посмотрел на оставшиеся на столе листки.

— А это?

Гаспар остановился у двери.

— Оставь. Бумага от тебя не убежит.

— А заказчик?

— А заказчик как раз твоя работа.

Матье проводил его взглядом и что-то негромко пробормотал, но Гаспар уже вышел в коридор.

У лестницы он столкнулся с двумя придворными, обсуждавшими утренний листок. Один уверял, что кардинал тайно поссорился с королём, второй уже успел услышать, будто Сен-Жеру запретили появляться во дворце.

Грело остановился между ними и сделал обеспокоенное лицо.

— Господа, у меня ужасные новости.

Оба сразу замолчали.

— Какие? — настороженно спросил один.

Шут понизил голос:

— Кардинал сегодня был в часовне.

Мужчины переглянулись.

— Мы знаем.

Грело тяжело вздохнул.

— Тогда ещё хуже. Он оттуда вышел.

Он оставил их разбираться с этой новостью и пошёл дальше. За спиной один из дворян начал что-то говорить второму, потом осёкся, наконец поняв, что над ними только что посмеялись.

Леклеру до утра предстояло выяснять, кто принёс рукопись Ламберу и куда ушли отпечатанные листы. Гаспар пока не видел причины превращать неизвестного молодого человека в начало большого заговора. В столице хватало людей, готовых потратить несколько экю на то, чтобы объяснить всему городу, как именно следует управлять королевством.

А ужин из-за них становился хуже совершенно напрасно.

Глава 8. Приказ.

На шестое утро Гаспар спустился во внутренний двор позже обычного. Ночью прошёл короткий дождь, и каменные плиты ещё блестели под аркадами, куда не успело добраться солнце. У конюшен было шумнее, чем обычно: оруженосцы водили лошадей, двое слуг тащили через двор связку тренировочных копий, а возле западной стены человек двадцать молодых дворян стояли перед длинным столом, на котором была разложена карта.

Гаспар уже собирался пройти мимо, когда среди них заметил Тео де Монталья. Молодой человек был без дорожного плаща и впервые выглядел так, словно действительно собирался поступить на королевскую службу, а не поссориться с половиной канцелярии. Простой серый камзол сидел неплохо, шпага висела на обычной перевязи, светло-каштановые волосы успели привести в порядок ровно настолько, чтобы они больше не выдавали несколько дней дороги.

Грело остановился под аркой и прислонился плечом к каменной колонне. Офицер у стола водил концом указки по нарисованной дороге, объясняя задание.

— Отсюда колонна выходит к старому броду, затем поворачивает севернее и к полудню должна оказаться у башни Сен-Мор. Маршрут получите по окончании разбора. Вопросы есть?

Несколько молодых людей продолжали молчать. Тео наклонился над картой, всматриваясь в изгиб ручья, потом всё-таки поднял руку.

— Господин капитан, если ночью такой же дождь прошёл севернее столицы, низкое место перед бродом могло размыться.

Офицер перестал постукивать указкой по столу и посмотрел на него с выражением человека, который ещё не забыл фамилию вчерашнего спорщика.

— Де Монталь, маршрут составляли люди, которые знают эту местность.

Тео заметно напрягся. Гаспар уже почти ожидал продолжения, однако молодой дворянин лишь сжал губы и после короткой паузы кивнул.

— Понял, господин капитан.

Офицер ещё мгновение смотрел на него, словно сам ожидал возражения, затем вернулся к карте.

— Значит, всё-таки способен учиться, — раздался рядом голос Анри.

Гаспар повернул голову. Король вышел из галереи в сопровождении двух секретарей и адъютанта; судя по бумагам в руках последних, задерживаться во дворе он не собирался. Однако, заметив Грело под аркой, остановился и тоже посмотрел в сторону молодых дворян.

— Не знаю, о чём ты, — невозмутимо ответил де Марсан.

Анри усмехнулся.

— Конечно. Совершенно ничего общего.

— Он промолчал.

— Ты в его возрасте тоже очень любил молчать.

Гаспар оторвался от колонны и недоверчиво посмотрел на друга.

— Я умел выбирать момент.

Король перевёл взгляд с Тео на него.

— Особенно у Мерсальской низины.

Указка капитана снова стукнула по карте. Тео что-то записывал на маленькой дощечке, а Гаспар ещё несколько мгновений смотрел в его сторону, хотя перед глазами уже стоял другой стол, другая карта и грязь, которая тогда забивалась в сапоги быстрее, чем её успевали вычищать.

Дождь шёл третью ночь подряд. К рассвету он ослаб, но облака по-прежнему висели низко, а лагерь раскис настолько, что между палатками пришлось настилать доски и хворост.

Гаспар всё равно дважды провалился в грязь почти по щиколотку, пока добрался от коновязи до своей роты.

С передовых постов он вернулся меньше часа назад. Плащ промок насквозь, ворот рубахи неприятно прилипал к шее, а левый сапог хлюпал при каждом шаге. Из двух людей, которых он ночью отправился искать, одного удалось найти живым. Второго обнаружили позже у ручья — арбалетный болт вошёл под лопатку, и помочь ему уже было некому.

Раненого Верье Гаспар успел передать лекарю и теперь рассчитывал хотя бы переодеться, выпить горячего вина и час поспать. Вместо этого возле палатки капитана увидел несколько знакомых офицеров и человека из штаба принца.

— Марсан, где вас носило? — спросил капитан Лоран д'Эстель, едва Гаспар откинул полог.

Де Марсан стянул мокрую перчатку и бросил её на сундук.

— Искал Верье и Тома.

Раздражение на лице капитана сразу ушло.

— Нашли?

— Верье жив. Тома нет.

д'Эстель на мгновение прикрыл глаза, затем коротко кивнул. Оба солдата служили у него не первый год.

— Верье уже у лекаря?

— Да. Болт прошёл через плечо. Если не начнётся горячка, вытащат.

Стоявший у стола адъютант принца терпеливо дождался конца короткого разговора и снова повернул к себе карту.

— Господа, приказ на рассвет утверждён. Первая и третья роты выходят через двадцать минут, рота капитана д'Эстеля следом. Через Мерсальскую низину до старой мельницы, дальше — на северо-запад. К девяти часам необходимо выйти к дороге Рошель и ударить по левому флангу.

Гаспар, уже взявшийся за вторую перчатку, остановился.

— Через Мерсальскую?

Адъютант поднял глаза.

— Именно это я сказал.

Капитан д'Эстель уловил изменение в лице своего лейтенанта раньше остальных.

— Марсан, что?

Гаспар подошёл к столу. На карте всё выглядело безупречно: узкая дорога спускалась между двумя пологими холмами к ручью, проходила возле мельницы, а затем снова поднималась к виноградникам. В сухую погоду там можно было провести не только пехоту, но и несколько лёгких орудий.

Только нынешним утром дороги там уже не было.

— Ночью у мельницы открыли шлюзы, — сказал де Марсан и положил палец на низину.
— Вода пошла сюда.

Адъютант нахмурился и приблизился к карте.

— Вчера наши люди проверяли этот проход.

— Вчера он, возможно, и был проходим.

— Ты сам там был? — вмешался д'Эстель.

Гаспар взглянул на него.

— Час назад.

Капитан выругался себе под нос и повернулся к штабному офицеру.

— Выход пока задержать.

Тот сразу покачал головой.

— У меня нет полномочий менять распоряжение Его Высочества по словам лейтенанта.

— Тогда передайте ему эти слова.

— Я передам. — Адъютант перевёл взгляд на Гаспара. — Вместе с их автором.

д'Эстель недовольно посмотрел на обоих.

— Марсан только что провёл ночь на передовой. Я могу сам доложить принцу.

— Если лейтенант уверен настолько, что предлагает остановить выход трёх рот, пусть сам объяснит причину.

Гаспар выжал снятую перчатку возле входа. Из кожи на землю потекла вода.

— Мне всё равно, кто объяснит, лишь бы люди пока не пошли.

Капитан перевёл на него тяжёлый взгляд.

— Десять минут, Марсан. Я могу держать роту десять минут, потом понадобится приказ.

— Хватит.

— Очень надеюсь.

По тону д'Эстеля было понятно, что отдельный разговор их всё равно ждёт.

До штабной палатки принца было недалеко, но размытая земля растянула дорогу. Адъютант шёл быстро, лавируя между настилами и лужами, Гаспар следовал за ним и чувствовал, как вода из волос стекает за ворот. За это время он успел представить другой порядок действий: найти старшего офицера, объяснить ему положение, дождаться, когда тот передаст сведения дальше. Всё было бы правильно, аккуратно и в соответствии с субординацией.

И к тому моменту первая рота уже спускалась бы к мельнице.

У штабной палатки стояли осёдланные лошади. Два офицера разговаривали возле входа, один недовольно посмотрел на мокрого лейтенанта, но адъютант сразу откинул полог и пропустил Гаспара внутрь.

От жаровни было тепло. На длинном складном столе лежала карта значительно лучше той, которой пользовались командиры рот: дороги были нанесены точнее, цветные отметки показывали передовые посты и предполагаемые позиции неприятеля. Вокруг стола спорили несколько человек.

Гаспар сразу увидел принца.

Анри де Валье был заметно моложе, чем в день Сен-Реми. Светло-русые волосы, намокшие у висков после недавнего выхода из палатки, он небрежно убрал назад; несколько прядей всё равно падали на лоб. На нём был тёмный походный камзол без парадной роскоши, только с тонкой цепью у воротника. Серо-голубые глаза сначала остановились на вошедшем адъютанте, затем на неизвестном ему грязном офицере.

— Что случилось?

Адъютант подошёл к столу.

— Ваше Высочество, лейтенант из роты д'Эстеля утверждает, что Мерсальская низина затоплена.

Один из старших офицеров сразу повернул голову.

— Этого не может быть. Ровиль проверял её вчера после полудня.

Анри не стал отвечать ему и посмотрел прямо на Гаспара.

— Имя?

— Гаспар де Марсан, Ваше Высочество. Лейтенант второй роты капитана д'Эстеля.

— Де Марсан, — принц положил ладонь на карту, — вчера мне доложили, что дорога свободна.

Гаспар подошёл ближе.

— Вчера, возможно, так и было.

Анри прищурился.

— А сегодня?

Де Марсан опустил взгляд на свои сапоги, грязь на которых доходила почти до середины голени.

— Сегодня я там был.

Кто-то за столом негромко хмыкнул. Анри не улыбнулся, только придвинул к краю карту.

— Покажите.

Гаспар провёл пальцем вдоль ручья.

— Плотины здесь. Ночью открыли два шлюза, возможно три. Вода пошла по низине и затопила дорогу от этих ив почти до самой мельницы. Возле брода лошадь ещё проходит, дальше местами вязнет по брюхо.

Старший офицер, тот самый, что возражал первым, опёрся обеими ладонями о стол.

— Разведчики прошли там вчера вечером.

Гаспар повернул к нему голову.

— До темноты?

— Да.

— Шлюзы открыли позже.

— Откуда вам это известно?

— Когда я шёл туда ночью, вода ещё не дошла до верхнего брода. Когда возвращался, уже была у каменной ограды.

Полковник постучал пальцем по карте.

— После трёх дней дождя вода могла подняться сама.

— Могла, — согласился Гаспар. — Только две лёгкие пушки на склоне возле мельницы сами туда вряд ли поднялись.

В палатке стало заметно тише.

Анри чуть подался вперёд.

— Пушки были там вчера?

Полковник покачал головой.

— Нет, Ваше Высочество.

Принц снова обратился к Гаспару:

— Где именно вы их видели?

Де Марсан указал на восточный край мельничных построек.

— Одну за стеной сада. Вторую закатывали выше. За каменной оградой вдоль дороги сидят аркебузиры.

— Сколько?

— Я видел около двадцати. За стеной могли быть ещё.

— С какого расстояния наблюдали?

— Около двухсот шагов. Ближе было уже неразумно.

Анри несколько секунд изучал место на карте, потом посмотрел на грязного лейтенанта уже с другим интересом.

— Зачем вы вообще оказались у мельницы ночью?

— Двое моих людей не вернулись с дозора.

— Нашли их?

Гаспар на мгновение задержался.

— Одного.

Принц понял, что означал такой ответ, и не стал уточнять.

Полковник возле карты воспользовался паузой.

— Ваше Высочество, менять весь манёвр по словам одного младшего офицера рискованно. Если задержим выход на час, неприятель увидит подготовку на центральной дороге.

— Согласен, — спокойно ответил Анри.

Гаспар почувствовал, как внутри неприятно сжалось, однако принц уже снова повернулся к нему.

— Сколько времени нужно, чтобы проверить ваши слова?

— Если ехать к самой низине, около часа туда и обратно.

— Столько у нас нет.

— Спускаться не обязательно. — Гаспар указал на восточный склон. — Над старыми виноградниками есть часовня без крыши. Оттуда видно мельницу, дорогу и почти весь брод.

Анри посмотрел на карту.

— Здесь её нет.

— Она давно заброшена.

— Сколько до неё?

— Минут двадцать верхом. Если лошадей не жалеть — быстрее.

Полковник тяжело вздохнул.

— И там вы, конечно, тоже были.

Гаспар встретил его взгляд.

— Был.

— Когда вы успеваете служить в собственной роте, де Марсан?

Первая фраза, пришедшая Гаспару в голову, почти наверняка закончила бы разговор хуже, чем хотелось. Он почувствовал, как пальцы сами сжались на мокрой перчатке, и заставил себя разжать их.

— Когда не сплю, господин полковник.

Кто-то возле дальнего края стола тихо усмехнулся.

Анри тоже слышал, но разбираться не стал.

— Ровиль.

Худощавый офицер с седоватой бородой отступил от карты.

— Ваше Высочество?

— Возьмите двух людей и поднимитесь к этой часовне. Проверьте воду, мельницу и восточную дорогу. Полчаса.

Ровиль кивнул.

— Успею.

Анри сразу повернулся к адъютанту.

— Выход рот д'Эстеля и Морвана задержать. Третью оставить в готовности. Причину пока не объявлять.

Адъютант поклонился и вышел.

Гаспар решил, что теперь наконец может вернуться к своим людям, и сделал шаг к пологу, но голос принца остановил его:

— Де Марсан, вы куда?

Он обернулся.

— К роте, Ваше Высочество.

— Останетесь.

— Зачем?

Один из офицеров посмотрел на него с явным удивлением. Видимо, младшие лейтенанты нечасто спрашивали принца таким тоном, зачем им выполнять распоряжение.

Анри тоже это заметил, однако ответил без раздражения:

— Если вы правы, мне понадобятся подробности. Если ошиблись — хочу, чтобы вы были рядом, когда об этом станет известно.

Гаспар немного подумал и кивнул.

— Справедливо.

Полковник кашлянул в кулак, скрывая выражение лица.

Ожидание оказалось хуже ночного дозора. Анри продолжил совет, словно появление грязного лейтенанта ничего не изменило: обсуждал с офицерами расположение резерва, запасы

пороха, движение на центральной дороге. Гаспар стоял у края палатки среди людей, большинство из которых знали друг друга годами, и всё сильнее чувствовал, насколько здесь лишний.

Через несколько минут вошёл капитан д'Эстель. Он быстро нашёл своего лейтенанта взглядом, дождался, когда за столом начнут обсуждать кавалерию, и подошёл ближе.

— Ты понимаешь, что сейчас сделал? — спросил он негромко.

Гаспар провёл ладонью по мокрым волосам.

— Да.

— Нет, Марсан. Если там окажется сухо, я лично отправлю тебя в обоз до конца кампании.

Де Марсан посмотрел на него.

— Если там сухо, сам попрошусь.

д'Эстель пару секунд молчал, явно пытаюсь решить, злиться дальше или уже поздно.

— Иногда мне кажется, что ты родился без способности вовремя закрыть рот.

— Возможно.

— Я не шучу.

— Я тоже.

Капитан тяжело выдохнул, ещё раз посмотрел на него и отошёл к входу.

Ровиль вернулся через двадцать семь минут. Гаспар первым услышал снаружи лошадиное ржание и быстрые шаги, а через несколько секунд офицер вошёл в палатку. На сапогах у него была свежая грязь, дыхание ещё не успело выровняться после быстрой езды.

Анри сразу прервал разговор.

— Что увидели?

Ровиль подошёл к карте.

— Низина затоплена, Ваше Высочество. На дороге воды местами по колено, ближе к мельнице глубже. Видел две лёгкие пушки на восточном склоне и людей за каменной оградой. Ещё человек сорок или пятьдесят в саду.

Несколько человек одновременно посмотрели на карту. д'Эстель единственный сразу повернул голову к Гаспару и едва заметно выдохнул.

Полковник нахмурился.

— Значит, сведения вчерашней разведки устарели.

— Нет, — возразил Анри, проведя пальцем вдоль низины. — Значит, неприятель изменил положение ночью и рассчитывал, что мы пойдём по вчерашней дороге.

Ровиль кивнул.

— Если бы колонна вошла сюда до рассвета, выход оказался бы под огнём с обеих сторон. Отступать по размокшей дороге пришлось бы медленно.

Принц несколько секунд смотрел на карту.

— Хорошо. Мерсальскую низину из плана убираем.

Полковник сразу придвинулся ближе.

— Тогда удар во фланг придётся отменить. Северной дорогой мы не выйдем к Рошель раньше полудня.

Гаспар снова посмотрел на карту. Слова уже были готовы, но после утреннего разговора он решил хотя бы один раз промолчать.

Анри заметил это почти сразу.

— Де Марсан.

Гаспар поднял голову.

— Ваше Высочество?

— У вас сейчас лицо человека, который опять собирается испортить кому-нибудь утро.

д'Эстель тихо простонал.

Гаспар провёл языком по внутренней стороне щеки и всё-таки подошёл к столу.

— Есть другая дорога.

Полковник прикрыл глаза.

— Разумеется.

На этот раз Анри усмехнулся.

— Показывайте.

Гаспар провёл пальцем выше низины.

— Если не спускаться к ручью, а держаться над виноградниками, здесь проходит старый путь. В основном камень. Телеги туда почти не ходят, поэтому на новых картах его уже не отмечают.

— Пушки? — спросил принц.

— Не пройдут.

— Кавалерия?

— Парами и очень медленно. Лучше не тащить.

— Пехота?

Гаспар прикинул расстояние.

— Одна рота пройдёт нормально. Две — если растянуть колонну и не брать обоз.

Полковник посмотрел на него с явным недоверием.

— Полчаса назад вы объясняли нам, что три роты там погибнут.

— В низине, господин полковник. Не на склоне.

Ровиль подтянул карту к себе и некоторое время изучал место.

— Я видел сверху начало тропы. Она действительно идёт за виноградники и выходит к старой часовне.

Анри указал на изгиб дороги.

— Оттуда можно спуститься за мельницу?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.